Р3

Аркадій Аверченко.

КИПЯЩІЙ КОТЕЛЪ.

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ.

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА".
Г. ПАХАЛОВА, О. ЦИГОЯНЪ и М. ШАКАЙ.
Кон--поль.
1922.

7462

РЗ ред ср.

БИБЛИОТЕКА
КОМИТЕТА СТАЛИНСКОЙ
ДЕРЕВНИ

074
28

ЗАЧѢМЪ Я ВЫПУСКАЮ „КИПЯЩІЙ КОТЕЛЪ“?

Человѣческая память — очень странная машина, почти всегда дѣйствующая съ перебоями...

Одинъ юмористическій философъ разрѣшился такой нелестной для человѣческой памяти сентенціей:

— Никогда не слѣдуетъ (говорилъ онъ) довѣрять человѣческой памяти... Память моя сохранила одно очень яркое воспоминаніе: однажды въ дѣтствѣ я, гуляя, свалился въ глубокую яму. Я это твердо помню. Но какъ я изъ этой ямы выбрался—рѣшительно не помню... Такъ что, если довѣряться только одной памяти—я долженъ былъ бы до сихъ поръ сидѣть въ этой ямѣ...

Насъ было нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, которые сидѣли въ огромной ямѣ, но съ нами случилось не совсѣмъ такъ, какъ съ моимъ философомъ: мы очень хорошо помнимъ, какъ мы попали въ яму и какъ изъ нея выбрались, но періодъ нашего сидѣнія (знаменитый, потрясающій періодъ!) началъ постепенно изглаживаться изъ нашей памяти и — еще годъ-полтора — вся эта эпопея „сидѣнья“ станетъ блѣднымъ сѣрымъ расплывчатымъ пятномъ безъ красокъ, фактовъ и очертаній.

Я хочу этой книгой закрѣпить періодъ нашего годового кипѣнія въ раскаленномъ котлѣ, въ этой горячей ямѣ, дно которой жгло пятки—однимъ словомъ, я хочу, чтобы все уплывающее изъ нашей памяти расположилось ясными прямыми, правдивыми строками на болѣе прочной, чѣмъ мозгъ человѣческій —бумагѣ.

Мой кипящій котелъ, это—Крымъ, эпохи „Врангелевскаго сидѣнія“.

Что это за удивительный, за умилительный періодъ: въ одномъ котлѣ кипѣли и щуки, и караси, и букашки, и таракашки, и

„ѣдоки первой категоріи", — и все это, кипя, ухитрялось пожирать другъ друга: мелкихъ букашекъ поѣдали караси, карасей—щуки, щукъ—ѣдоки первой категоріи, а кипящій распадъ „ѣдоковъ" снова поѣдался букашками, червячками и таракашками.

Пройдетъ два—три года—и до дырокъ будетъ русскій человѣкъ протирать лобъ, вспоминая:

— А сколько это я платилъ въ Крыму за бутылку лимонаду? Не то 15 цѣлковыхъ, не то полторы тысячи? Помню, домъ на Нахимовскомъ я купилъ до войны за 30 тысячъ... Но почему я потомъ за гробъ для отца заплатилъ 800 тысячъ? Какъ случилось, что я, имѣя на пальцѣ брилліантовое кольцо, ночевалъ на скамейкѣ Приморскаго бульвара? Почему селедки мнѣ заворачивали въ энциклопедическій словарь? А кто были наши рабочіе? Большевики? Меньшевики? Какъ они понимали рабочій вопросъ? Почему они, живя во сто разъ лучше другихъ — бастовали?

И не будетъ отвѣта! Все чудесное, курьезное, все героическое, все ироническое

стерлось, какъ карандашная надпись резинкой...

Книгой „Кипящій Котелъ“ я все это хочу закрѣпить.

Можетъ быть, мои очерки иногда гиперболичны, иногда неумѣстно веселы, но въ основѣ ихъ всегда лежитъ фактъ, истина пронизываетъ каждую строчку своимъ свѣтлымъ лучемъ—и это моя скромная заслуга передъ исторіей.

Наши будущіе дѣти! Въ заброшенной отцовской библіотекѣ вы найдете эту пыльную съ пожелтѣвшими краями книгу, развернете ее—и глазенки ваши отъ изумленія выкатятся изъ орбитъ сантиметра на два: бредъ сумасшедшаго графомана?!

Нѣтъ, дорогіе дѣтишки! Это все правда, и мы герои, полубоги, гомеровскіе отпрыски —пережили дикій „Кипящій Котелъ“ на своихъ многострадальныхъ бокахъ!..

А. Аверченко.

I. ОСКУДѢНІЕ И УПАДОКЪ.

1. Старый Саксъ и Вертгеймъ.
2. Балъ у графини Х.
3. Страна безъ мошенниковъ.
4. Русская сказка.

Старый Саксъ и Вертгеймъ.

———

Настроеніе плохое, съ утра сѣрый упорный дождь, и все окружающее тоже приняло сѣрую окраску.

Сѣлъ за письменый столъ съ очень опредѣленнымъ тайнымъ рѣшеніемъ: свирѣпо ругаться.

Довольно добродушія! Рѣшилъ называть всѣ вещи ихъ собственными именами, ставить точки надъ і, ломиться въ открытую дверь, плакать по волосамъ, снявши голову, смотрѣть въ зубы дареному коню, кусать свои локти, развалиться не въ своихъ саняхъ и, вообще, гнаться за двумя зайцами — можетъ быть, поймаю обоихъ и тутъ же зарѣжу каналій, и того и другого.

* * *

Сидѣлъ недавно въ театрѣ на концертѣ знаменитаго артиста. Гляжу - на немъ старый, порыжѣвшій фракъ.

Сначала сжалось мое сердце, а потомъ посвѣтлѣлъ я: будто на карточку любимой женщины въ ворохѣ старой дряни наткнулся.

Здравствуй, старый петербурскій фракъ. Я знаю, тебя шилъ тотъ же чудесный петербургскій маэстро Анри съ Большой Морской, что шилъ и мнѣ.

Хорошо шивали дѣды въ старину.

Этому фраку лѣтъ семь, и порыжѣлъ онъ, и побѣлѣлъ по швамъ, а все сидитъ такъ, что заглядѣнье.

И туфли лакированныя узналъ я — Вейсовскія.

Держитесь еще, голубчики?

Видали вы виды... Сверкали вы по залитой ослѣпительнымъ свѣтомъ эстрадѣ Дворянскаго Собранія, сверкали на эстрадѣ Малаго Зала Консерваторіи, а иногда осторожно ступали, боясь поскользнуться на ослѣпительномъ паркетѣ Царскосельскаго,

Красносельскаго, Мраморнаго—много тогда было дворцовъ, теперь, пожалуй, половину я и перезабылъ...

А нынче вы не сверкаете больше, лакированныя туфли. Вы потускнѣли, пріобрѣли благородный налетъ старины, и долго еще не замѣнитъ васъ вашъ хозяинъ другими, хотя и получаетъ онъ за выходъ цѣлую уйму денегъ: десять тысячъ.

Не замѣнитъ потому, что получаетъ онъ десять тысячъ, а фракъ и ботинки стоятъ двадцать, а когда онъ сдеретъ за выходъ двадцать тысячъ—ваши новые замѣстители, многоуважаемый фракъ и ботинки,— будутъ стоить сорокъ тысячъ.

Махнетъ рукой вашъ хозаинъ и скажетъ:

—Нѣтъ, не догнать.

И будете вы все тускнѣть и тускнѣть, все болѣе покрываться налетомъ старины, переѣзжая изъ Севастополя въ Симферополь, изъ Симферополя въ Карасубазаръ, изъ Карасубазара въ какой нибудь Армянскъ—вѣдь, пить-ѣсть надо даже геніальному человѣку!

Такъ призадумался я, сидя въ театрѣ, потомъ очнулся, обвелъ глазами ряды и показалось мнѣ, что рядомъ со мной, и впереди и сзади сидятъ два совершенно различныхъ сорта форфоровыхъ статуэтокъ...

Однѣ—старыя, потертыя, въ обветшавшихъ, но изящныхъ, художественно помятыхъ мягкихъ шляпахъ и въ старинныхъ лопнувшихъ даже кое-гдѣ, ботинкахъ—отъ Вейса, Королькевича, Петерсона... Статуэтки, нѣчто въ родѣ стараго Сакса или Императорскаго фарфороваго завода, за которыя любители прекрасной старины платятъ огромныя деньги.

И другія статуэтки—новыя, сверкающія, въ пальто съ иголочки, въ дурно сшитыхъ многотысячныхъ лакированныхъ ботинкахъ съ иголочки, чисто выбритыя, иногда завитыя.

Это—ярко раскрашенное аляповатое фарфоровое издѣліе отъ берлинскаго Вертгейма, выпущенное въ свѣтъ въ тысячѣ штампованныхъ одинаковыхъ экземпляровъ. Это—новые милліонеры.

Первыя статуэтки элегически грустны, какъ, вообще, грустно все, на чемъ налетъ

благородной старины, вторыя—тошнотворно самодовольны.

У вторыхъ вмѣсто мозга въ головѣ слежавшаяся грязь, и этой грязью они лѣниво думаютъ, что наша теперешняя жизнь самая правильная, и что другой и быть не можетъ.

Да знаете ли вы, тысяча чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что вы оскверняете своими свинячьими мордами это мѣсто, гдѣ творитъ сейчасъ великій артистъ вѣчную красоту!..

Какъ вы сюда попали? Вонъ отсюда!

Идите въ кафе, на пристани, въ мануфактурные магазины—пухните тамъ вдвое отъ вашихъ дешевыхъ милліоновъ, но не лѣзьте такъ нагло въ храмы, не сморкайтесь въ кулакъ, когда служатъ литургію Красотѣ!

* * *

Весь старый Саксъ — профессора, инженеры, писатели, адвокаты, доктора и артисты—уже давно не дѣлаютъ себѣ маникюра, И, однако, какъ изящны линіи ихъ нервныхъ бѣлыхъ рукъ, какъ красиво розовѣютъ ихъ выпуклые, блестящіе безъ маникюра ногти...

Недавно я зашелъ въ парикмахерскую... Около маникюрши маячила очередь, все народъ дюжій съ корявыми кривыми лапами, а она въ это время отдѣлывала пятерню какому-то бывшему подвальному мальчику—шершавую красную пятерню,—начищая плоскіе рубчатые ногти съ яростью, съ какой сапожный чистильщикъ наводитъ глянецъ на видавшій виды сапогъ кругосвѣтнаго путешественника.

И подумалъ тутъ я:

—Дуракъ ты, дуракъ, бывшій подвальный мальчикъ... Если бы твоя рука, попрежнему, оставалась красной рабочей рукой—я, если хочешь, поцѣловалъ бы ее благоговѣйно, потому, что на ней написано святое слово «трудъ»... Но, что ты теперь будешь дѣлать этой отлакированной лапой? Подписывать куртажную расписку на сто пудовъ масла по пяти тысячь за пудъ, или неуклюже облапишь хрупкій фужеръ, наполненный заграничнымъ шампанскимъ, завершая въ кабакѣ выгодную сдѣлку на партію кофе изъ гималайскаго жита?..

Хорошій маникюръ тебѣ сдѣлали...

А вѣдь, судя по нѣкоторымъ признакамъ, ой, какъ рѣдко ты бываешь въ банѣ, бывшій подвальный мальчикъ.

Надо бы чаще...

Кстати, я тебя видѣлъ въ магазинѣ Альшванга—ты покупалъ за три тысячи французскіе духи, съ хитростью дикаря стремясь заглушить ароматомъ Убигана природный, столь выдающій тебя запахъ.

И обливаешься ты этими духами такъ щедро, что впору бы тебѣ и водой такъ обливаться.

А джентльменъ,—тебѣ, вѣроятно, незнакомо это слово, подвальный мальчикъ?—А джентльменъ въ потертомъ пиджакѣ уже 4 года какъ не душится духами—и все же отъ платья его идетъ тонкій, еле уловимый запахъ «Шипра» Коти—такого Шипра для васъ теперь и не выдѣлываютъ—и этотъ еле уловимый старый, бывшій запахъ грустенъ и прекрасенъ, какъ ароматъ увядшаго сплющеннаго въ любимой книгѣ цвѣтка.

Ну, что жъ... Теперь вы въ силѣ, Вертгеймовское исчадіе...

Что жъ... Лѣзьте впередъ, расталкив насъ, занимайте первыя мѣста,— это вамъ не поможетъ—такъ жить, какъ мы жили, вы, все равно, не умѣете.

Можетъ быть, многимъ изъ насъ мѣсто не въ теперешней толчеѣ, а гдѣ нибудь на полузабытой пыльной полкѣ антиквара, но лучше забытая полка въ углу, въ полумглѣ, робко пронизанной свѣтомъ синей лампадки передъ потемнѣвшимъ образомъ,—чѣмъ бойкій каторжный майданъ...

———

Балъ у графини Х...

... Графиня вошла въ бальную залу и ропотъ восхищенія пробѣжалъ среди блестящихъ гостей...

Она была одѣта въ платье изъ серебристаго фая, отдѣланнаго валансьенскими кружевами и ліонскимъ бархатомъ... На мраморной шеѣ сверкало и переливалось роскошное брилліантовое колье, въ ушахъ мерцали теплымъ свѣтомъ двѣ розовыхъ жемчужины, царственная головка вѣнчалась многотысячнымъ паради изъ перьевъ райской птицы.

Два молодыхъ человѣка въ черныхъ фракахъ съ огромными вырѣзами бѣлыхъ шелковыхъ жилетовъ, стоя у колонны, тихо бесѣдовали о графинѣ:

— Вѣроятно, она дьявольски богата?

— О, да. Отецъ даетъ за ней пятьсотъ тысячъ. Кромѣ того, у нея тряпокъ — шел-

ковыхъ платьевъ, бѣлья самаго тонкаго, батистоваго, похожаго на паутинку (мнѣ, какъ другу семьи, показывали) —всего этого тряпья наберется тысячъ на 50. Три сундука и шкафъ биткомъ набиты...

—Parbleu! — вскричалъ молодой щеголь, небрежно вынимая изъ кармана плоскіе золотые часы съ жемчужной монограммой:

— Я, вѣроятно, еще успѣю пригласить ее на вальсъ!

И было время: оркестръ, невидимо скрытый на хорахъ, заигралъ въ этотъ моментъ упоительный вальсъ—и благоухающія пары закружились...

* * *

Такъ романисты писали раньше.

* * *

А вотъ такъ романисты должны писать теперь...

* * *

...Графиня вошла въ бальный сарай — и ропотъ восхищенія пробѣжалъ среди блестящихъ гостей...

На графиньѣ было платье изъ роскошнаго зеленаго ситца, отдѣланное настоящими костяными пуговицами... На алебастровой шеѣ сверкало и переливалось роскошное колье изъ кусочковъ каменнаго угля, въ крохотныя ушки были продѣты двѣ изящныхъ еще не использованныхъ спички, а царственная головка вѣнчалась перомъ настоящей многотысячной домашней курицы.

Два молодыхъ человѣка въ изящныхъ фракахъ, сшитыхъ изъ мучныхъ мѣшковъ, тихо бесѣдовали о графинѣ:

—Да! Отецъ даетъ за ней 18 милліоновъ деньгами, 2 пары шерстяныхъ чулокъ и флаконъ изъ подъ французскихъ духовъ!

—Ничего подобнаго,—вмѣшался третій, одѣтый въ кретоновой смокингъ изъ обивки кресла, лорнируя графиню въ осколокъ пивной бутылки, вдѣланный въ щипцы для завивки.—Отецъ даетъ за графиней гораздо больше 18-ти милліоновъ!!

—Именно?

—Онъ даетъ за ней корову съ теленкомъ и двухъ утокъ.

—Parbleu!—вскричалъ молодой щеголь въ рединготѣ изъ четырехъ склеенныхъ но-

меровъ вчерашней газеты. — Я, вѣроятно, еще успѣю пригласить ее на вальсъ!...

Онъ вынулъ изъ кармана будильникъ на дверной цѣпочкѣ, бросилъ на него косой взглядъ и помчался къ графинѣ.

И было время: граммофонъ хрипло заревѣлъ упоительный вальсъ, танцующіе сняли ботинки, чтобы зря не трепать подметокъ — и пары шлепая изящными пятками, закружились...

— — —

Страна безъ мошенниковъ.

Три человѣка собрались на пустынномъ каменистомъ берегу моря, подъ тѣнью, отбрасеваымой огромной скалой; три человѣка удостовѣрились—не подслушиваютъ ли ихъ, и тогда старшій изъ нихъ началъ:

—Именемъ мошенничества и преступленія —я открываю засѣданіе! Мы всѣ трое, бывшіе завсегдатаи тюрьмы и украшеніе каторги — собрались здѣсь затѣмъ, чтобы съ сего числа учередить преступное сообщество для совершенія кражъ, грабежей и, вообще, всякихъ мошенничествъ. Но...—насмѣшливо усмѣхнулся предсѣдатель — можетъ быть, за то время, что мы не видѣлись—вы уже раскаялись и хотите начать честную жизнь?

—Что ты!— укоризненно вскричали двое, бросая на предсѣдателя обиженные взгляды. —Мошенниками мы были, мошенниками, надѣюсь, и умремъ!

—Пріятно видѣть такихъ стойкихъ негодяевъ,— одобрительно сказалъ предсѣдатель.

—Да! И, въ особенности, подъ руководствомъ такого мерзавца, какъ ты.

—Господа, господа! Мы здѣсь собрались не для того, чтобы расшаркиваться другъ передъ другомъ и отвѣшивать поклоны и комплименты. Къ дѣлу! Что вы можете мнѣ предложить?

Тогда всталъ самый младшій мошенникъ и, цинично ухмыляясь, сказалъ:

—Я знаю, что теперь сливочное масло на базарѣ нарасхватъ. Давайте поддѣлывать сливочное масло!

—А изъ чего его дѣлать?

—Изъ маргарина, желтой краски, свѣчного сала...

Предсѣдатель усмѣхнулся:

—А извѣстно ли моему уважаемому товарищу, что сейчасъ свѣчное сало и краска — дороже сливочнаго масла?

—Въ такомъ случаѣ, простите. Я провалился. Тогда говори ты.

Всталъ второй:

—Я знаю, господа, что въ одномъ торговомъ предпріятіи, въ конторѣ, въ несгораемомъ шкафу всегда лежитъ нѣсколько милліоновъ!

—А какъ мы вскроемъ несгораемый шкафъ?

—Какъ обыкновенно: баллонъ съ кислотой, электричество, ацетиленъ, автоматическія сверла. .

—Гдѣ жъ мы ихъ достанемъ?

—Раньше всегда покупали въ Лондонѣ.

—Ну, подумай ты самъ; сколько будетъ стоить—поѣхать одному изъ насъ въ Лондонъ, купить всю эту штуку на валюту, погрузиться, заплатить фрахтъ, выгрузить на мѣстѣ, доставить на извощикѣ... Я увѣренъ, это влетитъ фунтовъ въ 80, т. е. милліоновъ въ восемъ! А если въ шкапу всего пять мил-

ліоновъ? Если три? Да если даже и десять — я не согласенъ работать изъ 20 процентовъ. Тогда ужъ прямо отдать свой оборотный капиталъ подъ первую закладную.

— Мнѣ интересно, что же въ такомъ случаѣ предложитъ предсѣдатель — такъ жестоко бракующій наши предложенія?

— А вотъ что! Я предлагаю поддѣлывать пятисотрублевки. Во первыхъ они одноцвѣтныя, голубыя, во вторыхъ, рисунокъ не сложный, въ третьихъ...

— А что для этого нужно?

— Мѣдная доска для гравировки, кислота, краска, бумага, пресъ для печатанія.

— Сколько же мы въ мѣсяцъ напечатаемъ такихъ фальшивокъ?

— Тысячъ десять штукъ!

Средній мошенникъ взялъ карандашъ и погрузился въ вычисленія...

—Сейчасъ вамъ скажу, во что обойдется одна штука.

—Ну, что же?

—Н-да-съ... Дѣло любопытное, но едва ли выгодное. Одна пятисотрублевка будетъ намъ стоить 720 рублей;!

—Чортъ возми! А какъ же правительство печатаетъ?

—Какъ, какъ?! У нихъ бумага и краска еще стараго запаса.

Долго сидѣли, молча, угрюмые, раздавленные суровой дѣйствительностью.

—Ну, и страна! — крякнулъ предсѣдатель. За какое мошенничество ни возьмись— все невыгодно!

—А что если, — робко началъ самый младшій мошенникъ, — что если на тѣ деньги, которыя у насъ есть — купить двѣ-три кипы мануфактуры, да сложить ее въ укромное мѣстечко, да, выждавъ недѣли три, продать.

—Что жъ изъ этого получится?

—Большія деньги наживемъ.

—Постой, какое же это мошенничество?

—Никакого. Зато выгодно.

—Постой! Да вѣдь мы мошенники! Вѣдь намъ какъ-то неприлично такими дѣлами заниматься?

—Почему?

—Ну, вотъ предположимъ, полиція уз-

наетъ о нашей мануфактурѣ—что она намъ сдѣлаетъ?

—Ничего.

—Вотъ видишь... Какъ-то неудобно. Я не привыкъ такими темными дѣлами заниматься.

—Но вѣдь не виноваты же мы, что это выгоднѣе, чѣмъ фальсификація продуктовъ, фальшивыя бумажки и взломъ кассъ!!

—Бож-же! —вскричалъ предсѣдатель, хватаясь за голову,—до какого мы дошли паденія, до какого униженіи! Съ души воротитъ, тошнитъ, а придется заняться этой гадостью!

И они встали, пошли въ городъ. Занялись.

* * *

Вотъ почему теперь такъ мало мошенниковъ и такъ много спекулянтовъ...

Русская сказка.

Отецъ прижалъ голову крохотнаго сына къ груди и началъ сказку:

—Въ одномъ лѣсу жилъ мальчикъ и жила Баба Яга—Костяная-Нога... Впрочемъ, ну ее, эту Бабу-Ягу, правда?

—Ну ее, — охотно согласился ребенокъ.

—Вотъ какую сказку я лучше раскажу: жили да были дѣдъ и баба, у нихъ была курочка ряба .. Хотя скучно это! Пусть она провалится эта курочка!

—И дѣдъ съ бабой пусть провалятся! — сверкая глазами, согласился мальчикъ, обуреваемый столь свойственнымъ дѣтямъ инстинктомъ разрушенія ..

—Вѣрно. Пусть они лопнутъ—и дѣдъ и баба. А вотъ эта—такъ замѣчательная сказка: у отца было три сына, старшій умный былъ дѣтина, средній былъ и такъ и сякъ...

—Пусть они тоже лопнутъ... внесъ категорическое предложеніе малютка, улыбаясь съ веселой свирѣпостью.

—И вѣрно, сынъ мой. Туда имъ и дорога. Это все, конечно, чепуха, труха. Хорошая сказка расказывается послѣ соотвѣтствующаго разбѣга. А такъ какъ я уже достаточно разбѣжался, то... слушай!

* * *

... Жилъ-былъ твой папа и у папы была твоя мама, и была она потому, что тогда не было сыпного тифа. И жили твои папа съ мамой въ квартиркѣ изъ шести комнатъ, и даже для сына была отдѣльная комнатка, гдѣ стояла его колыбелька. Теперь мы съ тобой и дядей Сашей живемъ въ одной комнатѣ, а тогда у меня было шесть.

—У кого реквизировалъ?

—Держи карманъ шире! Тогда не было реквизицій! Кто какую квартиру хотѣлъ, такую и снималъ. Хоть бы двадцать комнатъ! И вотъ однажды пріѣжаю я...

—Съ фронта?

—Съ котораго?! Никакѣйшихъ тогда фронтовъ не было!

—А что-жъ мужчины дѣлали, если нѣтъ фронта? Спекулировали, небось.

—Тогда не спекулировали.

—А что же? Баклуши били?

—Дядя Саша, напримѣръ, былъ адвокатомъ, Петръ Семенычъ писалъ портреты и продавалъ ихъ, дядя Котя имѣлъ магазинъ игрушекъ...

—Что-й то—игрушки?

—Какъ бы тебѣ объяснить... Ну, напримѣръ—видѣлъ ты живую лошадь? Такъ игрушка—маленькая лошадь, неживая; человѣчки были—тоже неживые, но сдѣланные, какъ живые. Пищали. Даванешь животъ, а оно и запищитъ.

—А для чего?

—Давали дѣтямъ, и они играли.

—Музыка?

—Чего музыка?

—Да вотъ играли.

—Нѣтъ, ты не понимаешь. Играть, это значитъ, скажемъ, взять неживого человѣчка и посадить верхомъ на неживую лошадку.

—И что-жъ получится?

—Вотъ онъ и сидитъ верхомъ.

—Зачѣмъ?

—Чтобъ тебѣ было весело.

—А кто жъ въ это время играетъ?

—Фу, ты! Нельзя же быть такимъ серьезнымъ. Однако—вернемся. Вотъ, значитъ, мы такъ и жили...

—А что ты дѣлалъ?

—Я былъ директоромъ одной фабрики духовъ.

—Что-й-то?

—Духи? Бутылочла такая. Откроешь пробочку, капнешь на костюмъ, а оно хорошо и пахнетъ.

—А зачѣмъ?

—Да такъ. Зря. Раньше много чего зря дѣлалось. У меня, напримѣръ, былъ человѣкъ, который стоялъ у дверей и если кто нибудь приходилъ ко мнѣ, онъ шелъ впереди него и говорилъ, кто пришелъ.

—Да зачѣмъ тебѣ? Ты бы и самъ черезъ минуточку увидѣлъ бы.

—Такъ было принято. Много чего зря

дѣлали. Мы съ мамой, напримѣръ, разъ въ мѣсяцъ балъ закатывали.

—Во что закатывали?

—Ни во что. Возьмемъ и закатимъ балъ. Приглашали музыку, оркестръ цѣлый... Садъ увѣшивали цвѣтными фонариками и подъ музыку танцовали...

—Что-й-то?

—Танцовать? А вотъ мужчина бралъ даму одной рукой за ея руку, другой за это мѣсто, гдѣ у тебя задняя пуговица курточки —и начинали оба топать ногами и скакать.

—Зачѣмъ?

—Зря. Совершенно зря. Пользы отъ этого не замѣчалось никакой. Послѣ танцевъ былъ для всѣхъ ужинъ.

—Небось, дорого съ нихъ сдиралъ за ужинъ?

—Кто?!

—Ты.

—Помилосердствуй! Кто жъ съ гостей за ужинъ получаетъ? Это безплатно. Я ихъ угощалъ. Поваръ готовилъ ужинъ, шампанское, фрукты, мороженое.

—Сколько жъ тебѣ это стоило? Небось —за... этого... закатывалъ въ копеечку?

– Ну, какъ тебѣ сказать... Помнишь, мы сегодня послѣ обѣда пили съ тобой этакую чуть-чуть газированную теплую дрянь на сахаринѣ? Ситро, что ли? Ну, вотъ сколько мы заплатили за бутыльку, помнишь?

—Полторы тысячи.

—Правильно. Такъ раньше—балъ съ музыкой, фонариками и ужиномъ стоилъ половину такой бутылки.

—Значитъ, я сегодня цѣлый балъ выпилъ?

—Представь себѣ! И не лопнулъ.

—Вотъ это сказка! У маленькаго мальчика балъ въ животѣ. Хе-хе-хе!

—Да, ужъ. Это тебѣ не Баба-Яга, чтобъ ей провалиться!

—Хе хе! Не у отца три сына, чтобы имъ лопнуть.

—Да... И, главное, не Красная Шапочка, будь она проклята отнынѣ и до вѣка!

———

II. ОБНИЩАНІЕ КУЛЬТУРЫ.

1. Володька.
2. Эволюція книги.
3. Косьма Медичисъ.
4. Разговоръ въ гостинной.

Володька.

———

Завтракая у одного пріятеля, я обратилъ вниманіе на мальчишку лѣтъ одинадцати, прислонившагося у притолоки съ самымъ беззаботнымъ видомъ и слѣдившаго за нашей бесѣдой не только оживленными глазами, но и обоими на диво оттопыренными ушами.

— Что это за фруктъ?—освѣдомился я.

— Это? Это мой камердинеръ, секретарь, конфидентъ и наперсникъ. Имя ему—Володька. Ты чего тутъ торчишь?

— Да я уже все подѣлалъ.

— Ну, чортъ съ тобой. Стой себѣ. Да, такъ на чемъ я остановился?

— Вы остановились на томъ, что между здѣшнимъ курсомъ валюты и константинопольскимъ—ощутительная разница,—подска-

залъ Володька, почесывая одной босой ногой другую.

— Послушай! Когда ты перестанешь ввязываться въ чужіе разговоры?!

Володька вздернулъ кверху и безъ того вздернутый, усыпанный крупными веснушками носъ, и мечтательно отвѣчалъ:

— «Каркнулъ воронъ—«Никогда!»

— Ого!—разсмѣялся я.—Мы даже Эдгара По знаемъ... А ну дальше.

Володька задумчиво взглянулъ на меня и продолжалъ:

«Адскій духъ или тварь земная», произнесъ я, замирая,—
Ты—пророкъ. И разъ ужъ Дьяволъ или вихрей буйный споръ
Занесли тебя, крылатый, въ домъ мой Ужасомъ объятый,
Въ этотъ домъ, куда проклятый Рокъ обрушилъ свой топоръ,
Говори: пройдетъ ли рана, что нанесъ его топоръ?
Каркнулъ Воронъ «Never more».

— Оч-чень хорошо,—подзадорилъ я.—А дальше?

— Дальше? — удивился Володька.—Да дальше ничего нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? А это:

«Если такъ, то вонъ, Нечистый!
Въ царство ночи вновь умчись ты!»

— Это вы мнѣ говорите?—дѣловито спросилъ Володька.—Чтобъ я ушелъ?

— Зачѣмъ тебѣ. Это дальше По говорилъ ворону.

— Дальше ничего нѣтъ,—упрямо повторилъ Володька.

— Онъ у меня и исторію знаетъ,—сказалъ съ своеобразной гордостью пріятель. — Ахни-ка, Володька!

Володька былъ мальчикъ покладистый. Не заставляя себя упрашивать, онъ поднялъ кверху носишко и сказалъ:

— ...Способствовалъ тому, что мало-помалу она стала ученицей Монтескье, Вольтера и энциклопедистовъ. Рожденіе великаго князя Павла Петровича имѣло большое значеніе для всего двора...

— Постой, постой?! Почему ты съ се-

редки начинаешь. Что значитъ «способствовалъ?» Кто способствовалъ?

— Я не знаю кто. Тамъ выше ничего нѣтъ.

— Какой странный мальчикъ,—удивился я.—Еще какія-нибудь науки знаешь?

— Знаю. Гипертрофія праваго желудочка развивается при ненормально повышенныхъ сопротивленіяхъ въ маломъ кругу кровообращенія: при эмфиземѣ, при сморщивающихъ плевритѣ и пневмоніи при ателектазѣ, при кифосколіозѣ...

— Чортъ знаетъ, что такое!—даже закачался я на стулѣ, ошеломленный.

— Н-да-съ—усмѣхнулся мой пріятель,—но эта матерія суховатая. Ахни, Володька, что-нибудь изъ Шелли:

— Это, которое на оборотѣ «Восточныя облака?»

— Во-во.

И Володька началъ, ритмично покачиваясь:

Намъ были такъ сладко желанны они,
Мы ждали еще, о, еще упоенья
Въ минувшіе дни.

Намъ грустно, намъ больно, когда вспоминаемъ
Минувшіе дни.
И какъ мы надъ трупомъ ребенка рыдаемъ,
И мукѣ сказать не умѣемъ: «Усни»,
Такъ въ скорбную мы красоту обращаемъ—
Минувшіе дни.

Я не могъ выдержать больше. Я вскочилъ.

— Чортъ васъ подери—почему вы меня дурачите этимъ вундеркиндомъ. Въ чемъ дѣло—объясните просто и честно?!

— Въ чемъ дѣло?—хладнокровно усмѣхнулся пріятель.—Дѣло въ той рыбкѣ, въ той скумбріи, отъ которой вы оставили хвостъ и голову. Неправда ли, вкусная рыбка? А дѣло простое. Оберточной бумаги сейчасъ нѣтъ, и рыбникъ скупаетъ у букиниста старыя книги, учебники—изданія иногда огромной цѣнности. И букинистъ отдаетъ, потому что на завертку платятъ дороже. И каждый день Володька приноситъ мнѣ рыбу или въ обрывкѣ Шелли, или въ «Исторіи Государства Россій-

скаго», или въ листкѣ атласа клиническихъ методовъ изслѣдованія. А память у него здоровая... Такъ и пополняетъ Володька свои скудныя познанія. Володька! Что сегодня было?

— «Но Кочубей богатъ и гордъ
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами. Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей!..
И то сказать...»

Дальше оторвано.

— Такъ-съ. Это значитъ Пушкинъ пошелъ въ оборотъ.

У меня больно-пребольно сжалось сердце, а пріятель, беззаботно хохоча, хлопалъ Володьку по плечу и говорилъ:

— А знаешь, Володиссимусъ, скумбрія въ «Докторѣ Паскалѣ» Золя была гораздо нѣжнѣе, чѣмъ въ пушкинской «Полтавѣ»!

— То не въ Золя была,—дѣловито возразилъ Володька. — То была скумбрія у

этомъ, гдѣ артерія сосудистаго сплетенія мозга отходитъ вслѣдъ за предыдущей. Самая замѣчательная рыба попалась!

* * *

Никто тогда этому не удивился: ни пріятель мой, ни я, ни Володька...

Можетъ быть, удивленъ будетъ читатель? Его дѣло.

Этапы русской книги.

ЭТАПЪ ПЕРВЫЙ (1916 ГОДЪ).

—Ну, у васъ на этой недѣлѣ не густо: всего три новыхъ книги вышло. Отложите мнѣ «Шиповникъ» и «Землю». Кстати, есть у васъ «Любовь въ природѣ» Бельше? Чье изданіе? Сытина? Нѣтъ, я бы хотѣлъ Саблинское. Потомъ, нѣтъ ли «Дѣти грѣха» Катюлль Мендеса? Только, ради Бога, не «Сфинкса» — у нихъ переводъ довольно неряшливъ. А это что? Недурное изданіе. Конечно, Голике и Вильборгъ? Ну, нашли, тоже, что роскошно издавать: «Евгеній Онѣгинъ» всякій, все равно, наизусть знаетъ. А чьи иллюстраціи? Самокишъ-Судковской? Сладковаты. И потомъ форматъ слишкомъ широкій: лежа, читать неудобно!..

ЭТАПЪ ВТОРОЙ (1920 ГОДЪ).

— Барышня! Я записалъ по каталогу вашей библіотеки 72 названія — и ни одного нѣтъ. Что жъ мнѣ дѣлать?

— Выберете что нибудь изъ той пачки на столѣ.

— Гмъ! Вотъ три - четыре болѣе или менѣе подходящія: «Описаніе древнихъ памятниковъ Олонецкой губерніи», «А вотъ и она — вновь живая струна», «Макарка Душегубъ» и Собраніе рѣчей Дизраэли (лорда Биконсфилда)...

— Ну, вотъ и берите любую.

— Слушайте... А «Памятники Олонецкой губерніи» — интересная?

— Интересная, интересная. Не задерживайте очереди.

ЭТАПЪ ТРЕТІЙ.

— Слышали новость?!!

— Ну, ну?

— Ивиковы у себя подъ комодомъ старую книгу нашли! Еще съ 917 года завали-

лась!.. Везетъ же людямъ. У нихъ по этому поводу вечеринка.

— А какъ называется книга?

— Что значитъ, какъ: книга! 480 страницъ! Къ нимъ уже записались въ очередь Пустышкины, Бильдяевы, Россомахины и Партачевы.

— Побѣгу и я.

— Не опоздайте. Ивиковы, кажется, собираются разорвать книгу на 10 тоненькихъ книжечекъ по 48 страницъ и продать.

— Какъ же это такъ: безъ начала, безъ конца?

— Подумаешь—китайскія церемоніи.

ЭТАПЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Публикація:

— *Извѣстный* чтецъ наизусть стиховъ Пушкина ходитъ по приглашенію на семейные вечера — читаетъ всю «Полтаву» и всего «Евгенія Онѣгина». Цѣны по соглашенію. Онъ же дирижируетъ танцами и даетъ напрокатъ мороженицу."

Разговоръ на вечерѣ:

— Слушайте! Откуда вы такъ хорошо знаете стихи Пушкина?

— Выучилъ наизусть.

— Да кто жъ васъ училъ: самъ Пушкинъ, что ли?

— Зачѣмъ Пушкинъ. Онъ мертвый. А я, когда еще книжки были — такъ по книжкѣ выучилъ.

— А у него почеркъ хорошій?

— При чемъ тутъ почеркъ? Книга напечатана.

— Виноватъ, это какъ же?

— А вотъ дѣлали такъ: отливали изъ свинца буквочки, ставили одну около другой мазнутъ сверху черной краской, приложатъ къ бѣлой бумагѣ, да какъ дадутъ — оно и отпечатается.

— Прямо чудеса какія то! Не угодно ли присѣсть! Папиросочку? Дѣти, Петя, Гуля — идите послушайте, мусье Гортанниковъ разсказываетъ какія штуки выдѣлывалъ въ свое время Пушкинъ! Мороженицу тоже лично отъ него получили?

ЭТАПЪ ПЯТЫЙ.

— Послушайте! Хоть вы и хозяинъ только мелочной лавки, но, можетъ быть, вы поймете вопль души стараго русскаго интеллигента, и снизойдете.

— А въ чемъ дѣло?

— Слушайте... Вѣдь вамъ ваша вывѣска на ночь, когда вы запираете лавку, не нужна? дайте мнѣ ее почитать на сонъ грядущій — не могу заснуть безъ чтенія. А текстъ тамъ очень любопытный — и мыло, и свѣчи, и сметана—обо всемъ такомъ описано. Прочту — верну.

— Да всѣ вы такъ говорите, что вернете! А намедни одинъ тоже такъ то вотъ — взялъ почитать доску отъ ящика съ бисквитами Жоржа Бормана, да и зачиталъ. А тамъ и картиночка и буквы разныя... У меня тоже, знаете ли, сынъ растетъ!..

ЭТАПЪ ШЕСТОЙ

— Откуда бредете, Иванъ Николаичъ?

— А за городомъ былъ, прогуливался....

На висѣлицу любовался; поставлены у заставы.

— Тоже нашли удовольствіе: на висѣлицы смотрѣть!

— Нѣтъ, не скажите. Я, собственно, больше для чтенія: одна висѣлица на букву „Г“ похожа, другая на „П“. — Почиталъ и пошелъ.

———

Косьма Медичисъ.

Бродя по Большой Морской, остановился я у витрины маленькаго «художественно-комиссіонаго» магазина и, вглядѣвшись въ выставленныя на витринѣ вещи, сразу же обнаружилъ въ этихъ ищущихъ своего покупателя сокровищахъ разительное сходство съ сокровищами въ знаменитой гостиной Плюшкина.

Я даже не погрѣшу противъ правды, если просто выпишу это мѣсто изъ „Мертвыхъ Душъ“:

— „ ... Стоялъ сломанный стулъ и рядомъ съ нимъ часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же лежала куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая то старинная книга въ кожаномъ пере-

плетѣ, лимонъ, весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха (тутъ, на витринѣ было полдюжины такихъ лимоновъ въ банкѣ изъ подъ варенья) отломленная ручка креселъ кусочекъ сургуча, кусочекъ тряпки, два пера, запачканныя чернилами, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая,—а изъ всей этой кучи замѣтно высовывался отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога".

Это, если вы помните, было у Плюшкина. Буквально то же самое красовалось на витринѣ, но съ прибавкой небольшого крайне-яркаго плаката, стоявшаго на самомъ выгодномъ мѣстѣ, посрединѣ...

Плакатикъ изображалъ разноцвѣтнаго господина, держащаго въ одной рукѣ сверкающую резиновую калошу, а пальцемъ другой указывающаго на клеймо фирмы на подошвѣ: „Проводникъ".

Меня очень разсмѣшила эта ироническая улыбка нашего быта: резиновыхъ калошъ нельзя достать ни за какія деньги, а хозяинъ магазина упорно продолжаетъ ихъ рекламировать.

Такъ какъ хозяинъ стоялъ тутъ же, у дверей свой сокровищницы, я спросилъ его:

—Зачѣмъ вы рекламируете калоши „Проводникъ“?

— Гдѣ? —удивился онъ. Это? Помилуйте! Да это картина. Мы это продаемъ.

— Какъ продаете? Да кому жъ это нужно ..

— Покупаютъ. Повѣсишь въ комнатѣ на стѣнкѣ, очень даже украшаетъ. Видите, какія краски!

Въ торгашескомъ азартѣ онъ снялъ съ витрины господина, указующаго перстомъ на сверкающую калошу, и преподнесъ это произведеніе къ самому моему носу.

— Вотъ она, картинка то. Купите, господинъ.

Я вспомнилъ свою петербургскую квартиру, украшенную Рѣпинымъ, Добужинскимъ, Билибинымъ, Ре-ми, Александромъ Бенуа — и разсмѣялся.

—А въ самомъ дѣлѣ, не купить ли?

Разъ наступаетъ такая дикариная жизнь, что скоро будемъ ходить голыми, то для ук-

рашенія нашихъ вигвамовъ хорошъ будетъ и юркій господинъ, сующій подъ носъ обаятельно сверкающую калошу.

Въ этотъ моментъ къ намъ приблизился незнакомецъ въ темно-зеленомъ пиджачкѣ въ обтяжку и соломенной шляпѣ-конотье,..

Онъ на секунду застылъ въ нѣмомъ восхищенін передъ господиномъ съ калошой снялъ шляпу, самоувѣренно обмахнулся ею и спросилъ:

—Что жъ вы мнѣ прошлый разъ, когда я покупалъ картины, не показывали этой штуки? Занятно!

— Купите! Замѣчательная вещь,—захлопоталъ хозяинъ, почуявъ настоящаго покупателя. Настоящая олеографія! Это не то что масляныя краски... Тѣ—пожухнутъ и почернѣютъ... А это—тряпкой съ мыломъ мойте—самъ чортъ не возметъ!

—Цѣна?-Уронилъ покровитель искусства, прищурившись съ видомъ покойнаго Третьякова, покупающаго уники для своей галлереи...

—Четыре тысячи.

—Ого! И трехъ предовольно будетъ. Достаточно, что вы прошлый разъ содрали съ меня за женскую головку «Дюбекъ лимонный»—шесть тысячъ.

—Та жъ больше. И потомъ на картонъ наклеена—возьмите это во вниманіе!

—Ну, заверните. А фигуръ нѣтъ?

—То есть, скульптуры? Очень есть одна стоющая вещь: Діана съ лукомъ.

—Садитъ, что ли?

—Чего?

—Лукъ то.

—Никакъ нѣтъ. Стрѣляетъ. Замѣчательный предметъ (хозяинъ сдѣлалъ удареніе на первомъ слогѣ) — настоящій неподдѣльный гипсъ! Вещь—алебастровая!!

Когда меценатъ, закупивъ часть живописныхъ и скульптурныхъ сокровищъ—довольный собой, удалился, я сдѣлалъ серьезное лицо и спросилъ:

—Скажите, фамилія этого новаго покровителя искусствъ—не Косьма Медичисъ?

— Никакъ нѣтъ, совсѣмъ напротивъ: Степанъ Картохинъ. Онѣ тутъ у портного въ

мастерахъ служатъ и огромадныя деньги нынче вырабатываютъ: до восьмисотъ тысячъ въ мѣсяцъ! Извѣстно, дѣвать некуда—вотъ онѣ въ валюту все перегоняютъ—вещи покупаютъ. И опять же, искусство любятъ.

И почувствовалъ я, что всѣ мы, прежніе, до ужаса устарѣли со всѣ ми нашими Сомовыми, Добужинскими, Рѣпиными, Обри Бердслеями, Ропсами, Билибинами и Александрами Бенуа.

Шире дорогу! Новый Любимъ Торцовъ идетъ!

Бумажки бьютъ изъ его кармановъ двумя фонтанами, и въ одной рукѣ у него сверкаетъ всѣми цвѣтами радуги «Дюбекъ лимонный въ другой — «Покупайте калоши «Проводникъ»!

—Ars longa, vita brevis!

———

Разговоры въ гостинной.

20-й ВѢКЪ. ГОДА 1910—1913.

— Не знаю, куда въ этомъ году поѣхать заграницу... Все такъ надоѣло, такъ опостылѣло... Не ѣхать же въ эту олеографическую постылую Швейцарію, съ ея коровами, молочнымъ шоколадомъ, альпенштоками и пастушьими рожками.

— А на Ривьеру?

— Тоже нашли мѣсто! Это проклятое, вѣчно синее небо, это анаѳемское вѣчно-лазурное море, эти экзотическія пальмы, эта назойливая красота раскрашенной открытки!.. И въ Германію я не поѣду. Эта сытость животнаго, эта дешевка мнѣ претитъ! Махнуть въ Норвегію, что-ли, для оригинальности? Или въ Голландію...

— ...Вчера я перечитывала «Портретъ Доріана Грея...» Какая утонченность, какая рафинированность. Вообще, если меня въ послѣднее время что и занимаетъ, такъ это —англійская литература послѣднихъ лѣтъ— весь ея комплексъ...

— ...А я вамъ говорю, что ставить въ Маріинкѣ «Электру»—это безуміе! Половина пѣвцовъ пссрываетъ себѣ голоса!..

— Читали?

— Да, да! Это такой ужасъ. Весь Петербургъ дрогнулъ, какъ одинъ человѣкъ, когда прочиталъ о горѣ бѣдной Айседоры Дунканъ. Надо быть матерью...

— ...Понимаете, между акмеизмомъ и импрессіонизмомъ та разница, что акмеизмъ какъ теченіе...

— Позвольте, позвольте! А Игорь Сѣверянинъ?..

— ...Разскажу, чтобы дамы не услышали. Послѣ Донона поѣхали мы въ «Аквашку», были: князь Дуду, Ирма, Вовочка и я. Ну, понятно, заморозили полдюжинки...

— ...А я вамъ говорю, что Мережков-

скій такой же богоискатель, какъ Розановъ —богоборецъ!

— ...Въ послѣднемъ номерѣ «Сатирикона...»

— ...Будьте любезны передать ромъ.

— ...Вы спрашиваете, отчего вся Россія съ ума сошла? Отъ Вилли Ферреро!

— Господа, кто вызывалъ таксомоторы? —два пріѣхало.

— Прямо не знаю, куда бы мнѣ и дернуть лѣтомъ... Венеція надоѣла, Египетъ опостылѣлъ... Поѣхать, развѣ, на Карпаты для штуки?..

13-й ВѢКЪ. ГОДЪ 1920.

— Кушайте колбасу, графъ!

— Mercі. Почемъ покупали?

— 120.

— Ого! Это, значитъ, такой кусочекъ рублей 7 стоитъ...

— ...Я вамъ совѣтую поѣхать въ Сербію хотя тамъ неудобно и грязновато, но русскихъ принимаютъ довольно сносно. Даже въ гостиницы пускаютъ...

— Что вы говорите?!

— ...Въ каютъ-компаніи всѣ стояли, при-

льнувъ другъ къ другу, сплошной массой, но я придумалъ штуку: привязалъ себя ремнями отъ чемодана къ бугшприту и такъ довольно сносно провелъ ночь. Блего тепло!

— Что это не видно моего кузена Гриши?

— Развѣ не знаете? На прошлой недѣлѣ отъ сыпняка кончился.

— Ахъ, вотъ что! То-то я смотрю... А булки почемъ покупали?

— ...Представьте себѣ, купила я двѣ свѣчи, а одна изъ нихъ безъ фитиля.

— Что же вы?

— А я растопила стеаринъ въ стаканѣ, потомъ взяла шнурокъ отъ корсета и стала обмакивать в стаканъ: обмокну и вытащу. Стеаринъ застываетъ быстро. Такъ и получилось нѣсколько маленькихъ свѣчечекъ.

— .. Нѣтъ, простите! На чемоданѣ спать удобно, только нужно знать—какъ. Другой оселъ будетъ пытаться спать на закрытомъ чемоданѣ. А нужно такъ: всѣ вещи изъ чемодана вынуть и завернуть въ простыню;

раскрытый чемоданъ положить крышками вверхъ, а сбоку, какъ продолженіе, вынутыя вещи; получается площадь въ два аршина длины и въ аршинъ ширины; впадина на ребрѣ чемодана затыкается носками...

— Баронесса, по васъ что-то ползетъ...

— Ахъ, это я съ княземъ Сержемъ на грузовикѣ каталась. Навѣрное, отъ него.

— ...Лучшая мазь отъ этихъ гадовъ— тинктура сабадилли. Мнѣ женихъ подарилъ на именины цѣлый флаконъ.

— Дуся! Дайте подушиться!

— ...Изъ Харькова мы ѣхали 28 дней. Я—съ эшелономъ солдатъ. Сначала питались орѣхами, у меня было 2 фунта,—а потомъ на станціи Роскошной я вымѣняла у жены стрѣлочника свою кофточку на курицу. Солдаты сварили изъ нея супъ въ цвѣточномъ горшкѣ, и мы ѣли. Я ѣла двойной ложечкой, для заварки чаю. Неудобно только, что вся жидкость въ дырочки протекала прямо на платье. Ну, я потомъ платье въ станціонной бочкѣ выстирала.

— ...Не знаю, куда мнѣ и поѣхать: англичане не пускаютъ русскихъ въ Англію, французы не пускаютъ въ Парижъ, нѣмцы...

— Что это за масло у васъ такое странное? Я уже второй бутербродъ ѣмъ, ѣмъ и не могу разобрать...

— Это не масло. Мазь отъ экземы для Шурочки. Вотъ дура тетка! Неужели она на столъ поставила? Ну, ничего--тутъ еще немного осталось—хватитъ.

— Вы читали «Портретъ Дорiана Грея?»

— Не читалъ. А вы читали приказъ о выселенiи всѣхъ, кто живетъ тутъ меньше двухъ лѣтъ?

— ...Помню я, въ Толстовской «Смерти Ивана Ильича...»

— Скажите, онъ тоже отъ сыпного?

— А однажды я два дня спалъ на пишущей машинѣ...

— Какой системы?..

— Если спиртъ и съ бензиномъ—это ничего, онъ годится... Надо только положить туда корицы, перечной мяты и лимонной корки. Наполовину отбиваетъ запахъ.

— Не знаю, куда и поѣхать: туда не пускаютъ, сюда не пускаютъ...

ВѢКЪ—ЧОРТЪ ЕГО ЗНАЕТЪ КАКОЙ... ГОДЪ 1923.

...Собираюсь въ Константинополь.

— Какъ же вы поѣдете, если пароходовъ нѣтъ?!

— А мы съ Иваномъ Сергѣичемъ собираемся вплавь. Пузыри подвяжемъ, пробки. Удочки беремъ съ собой, рыбку по дорогѣ будемъ ловить... Пропитаемся. Мы высчитывали—не больше трехъ недѣль плаванія.

— Скажите, графъ, вы читали «Письма Чехова?»

— Простите, я только по печатному. Писанное отъ руки плохо разбираю.

— Слушайте, а какъ вы думаете, если мы поплывемъ съ Иванъ Сергѣичемъ на Батумъ—тамъ англичане по шеѣ не дадутъ?

— Дадутъ. Они же запретили русскимъ показываться въ Англіи.

— ...Понимаете: купила я свѣчу, а она вдругъ оказывается съ фитилемъ! Чуть я себѣ зубъ не сломала!..

— Вы читали, баронесса, «Портретъ Доріана Грея?»

— Чаво?

— Читали Оскара Уайльда?

— Мы неграмотныя.

— ...И поймалъ онъ, можете представить, на себѣ насѣкомую. Съ кулакъ величиной и вѣсомъ въ полтора фунта.

— Что же онъ?

— Натурально, зарѣзалъ, ощипалъ и въ борщъ. Наваристая, каналья.

— ...Сплю я, сплю, вдругъ слышу, что-то меня кусаетъ... Высѣкаю я огонь и что же! — оказывается Иванъ Николаичъ за ногу. Уже чуть не полъ-икры отъѣлъ! Убилъ я его, повернулся на другой бокъ, снова заснулъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

———

III. ДЕНЕЖНАЯ ГИПЕРТРОФІЯ.

1. Крахъ семьи Дромадеровыхъ.
2. Записки дикаря.
3. Леденящая душу исторія.

Крахъ семьи Дромадеровыхъ.

— — —

Существуетъ такой афоризмъ:

— „Семья—это государство въ миніатюрѣ".

И никогда этотъ афоризмъ не былъ такъ понятенъ и умѣстенъ, какъ въ 1919 году.

***

Въ семьѣ Дромадеровыхъ сегодня торжественный день: послѣ долгихъ совѣщаній съ женой и домочадцами глава семьи рѣшилъ выпустить собственную монетную единицу.

Долго толковалъ онъ съ женой о монетномъ обращеніи, объ эмиссіонномъ правѣ, о золотомъ запасѣ и, наконецъ, всѣ эти государственные вопросы пришли къ благополучному разрѣшенію.

Тезисы финансовой стороны дѣла были выработаны такіе:

I. Семья Дромадеровыхъ для внѣшнихъ сношеній съ другими семьями и учрежденіями выпускаетъ собственную монетную единицу.

II. Въ виду отсутствія металловъ монетная единица будетъ бумажная.

Примѣчаніе: При изготовленіи монеты надлежитъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы затруднить поддѣлку монеты.

III. Для того, чтобы избѣжать перенасыщенія рынка кредитными билетами семьи Дромадеровыхъ, вводится эмиссіонное право.

IV. О Золотомъ запасѣ. Выпущенные кредитные билеты семьи Дромадеровыхъ обезпечиваются всѣмъ достояніемъ госуд..., т. е. семьи Дромадеровыхъ, имѣющей въ своихъ кладовыхъ два золотыхъ массивныхъ браслета, брошь, четыре кольца и двое золотыхъ часовъ съ золотой же массивной цѣпью.

V. Министромъ финансовъ назначается жена Дромадерова; ей же предоставляется право разрѣшенія эмиссій.

*
* *

Монетный дворъ былъ устроенъ на столѣ, въ кабинетѣ главы семьи.

Матеріаломъ для изготовленія кредитокъ послужили три сотни когда то заказанныхъ и испорченныхъ визитныхъ карточекъ, на которыхъ по недосмотру типографщика было напечатано:

—«Николай Тетрозичъ Дромадеровъ».

Сынъ Володька оттискивалъ на оборотной сторонѣ карточекъ гуттаперчевыя цыфры „3 р.“, „5 р.“, „10 р.“, отецъ ставилъ сбоку подпись, а гимназистка Леночка внизу приписывала:

— Обезпечивается всѣмъ достояніемъ семьи Др.“

—„За поддѣлку кредитныхъ билетовъ виновные преслѣдуются по закону“.

—Морду буду бить,—свирѣпо пояснялъ отецъ семейства эту юридическую предосылку.—Лучше бы ему, подлецу, и на свѣтъ не родиться. Ну-съ, эмиссіонное право на 2 тысченки выполнили. Соня! прячь въ комодъ деньги и остатокъ матеріаловъ.

—Папочка,—попросилъ Володька.—Мож-

мнѣ выпустить свои полтиничныя боны? Та , рублей на пятьдесятъ?

—Еще чего!—рявкнулъ отецъ. — Я тебѣ покажу заводить государство въ государствѣ! Не смѣть.

—Ну, слава Богу,—вздохнула жена Соня.—Наконецъ-то, у насъ есть человѣческія деньги. Коля, я возму 29 рублей, схожу на рынокъ А то у насъ на кухнѣ совсѣмъ сырья нѣтъ.

—Сырья одного мало.—возразилъ Дромадеровъ.—Его еще обработать надо. Потребуется топливо и рабочія руки.

—Такъ я возьму еще сто рублей. Куплю дровъ и найму кухарку.

—Только скорѣй, а то населеніе голодаетъ.

* * *

На биржѣ новая монетная единица была встрѣчена очень благожелательно.

Въ зеленной лавкѣ „дромадерки" сразу были приняты безъ споровъ сто за сто, а мясникъ даже предпочиталъ ихъ керенкамъ, на которыхъ были очень сомнительные водяные знаки.

—Вѣрные деньги,— говаривалъ онъ. — Это не то, что совѣтская дрянь, обезпеченная, какъ говорится, блохой на арканѣ: Опять же скворцовки я приму, и воропьяновки я приму, потому—и Скворцовъ господинъ и Воропьяновъ господинъ—очень даже солидные финансовые заборщики. Ихъ даже въ казначействѣ принимаютъ. А волосатокъ мнѣ и даромъ не надо, потому что—это ужъ всѣ знаютъ,—господинъ Волосатовъ сущій жуликъ, и свое эмиссіонное право превысилъ разъ въ десять! А золотаго запаса у него развѣ только коронка на зубѣ.

На денежномъ рынкѣ дромадерки заняли прочное положеніе: при котировкѣ за нихъ давали даже скворцовки съ нѣкоторымъ лажемъ, а волосатовки предлагали триста за сто дромадерокъ—и то не брали!

Жена Соня расширяла два раза эмиссіонное право, рынокъ искалъ дромадерокъ, какъ арабъ ищетъ воду въ знойной пустынѣ, самъ Дромадеровъ сталъ уже искоса съ вожделѣніемъ поглядывать на международный рынокъ, допытываясь у всѣхъ встрѣч-

ныхъ—почемъ вексельный курсъ на Лондонъ и Парижъ—какъ вдругъ...

Но тутъ мы должны предоставать слово самому Дромадерову... Только онъ своимъ энергичнымъ стилемъ можетъ изобразить весь тотъ ужасъ, всю ту катастрофу, которая постигла такъ хорошо налаженный монетно-финансовый аппаратъ:

—Сначала обратилъ я вниманіе, что у подлеца Володьки появились цвѣтные карандаши, конфекты и даже серебрянные часы-браслетъ... „Гдѣ взялъ, каналья?—Карандаши, говоритъ, товарищъ подарилъ и конфекты тоже, а часы-браслетъ нашелъ“... Ну, нашелъ и нашелъ; ну, подарили и подарили... Ничего я себѣ такого не думалъ... Вдругъ, слышу, говорятъ, Володька на билліардѣ сто рублей проигралъ... „Гдѣ деньги взялъ?“ —Часы, говоритъ, продалъ“.—„Врешь! Они у тебя на рукѣ!“—Это я, говоритъ, другіе нашелъ“... Подозрительно, а? Сталъ я приглядываться къ дромадеркамъ, которыя мнѣ изрѣдка въ руки попадали—глядь а на двухъ вмѣсто „Тетровичъ“—„Петровичъ“ напечатано.

Я къ Володькѣ... „Ты, анаѳема? Признавайся!!“ Въ слезы. Покраснѣлъ, какъ ракъ... „Я, говоритъ, папочка, только расширилъ эмиссіонное право“... Ну, показалъ я ему это расширеніе права... До сихъ поръ рука опухшая!..

—Чѣмъ же это все кончилось?—спрашивалъ сочувственный слушатель.

—Крахомъ!—отвѣчалъ несчастный отецъ, проливая слезы.—Кончилось тѣмъ, что теперь волосатовки идутъ выше: за одну волосатовку четыре дромадерки... Каково? Все финансовое хозяйство разрушилъ, подлый мальчишка!

Записки дикаря.

Не такъ давно—управляющій конторой той газеты, гдѣ я иногда писалъ фельетоны—отвелъ меня въ сторону и сунулъ мнѣ въ руку цѣлую пачку разноцвѣтныхъ бумажекъ разнаго фасона и формата.

—Что это?—слегка удивился я.

—Это вамъ.

—Зачѣмъ?!

—За то, что вы у насъ пишете.

—Да что же я съ этимъ буду дѣлать?

—Берите. Такой у насъ порядокъ.

—Какія смѣшныя бумажки...

Чтобы не обижать симпатичнаго управляющаго конторой, я сдѣлалъ видъ, что пачка этихъ странныхъ обрѣзковъ раскрашенной бумаги очень меня обрадовала, отошелъ въ сторону и сталъ разсматривать бумажку за бумажкой.

Были очень потрепанныя, склеенныя, но были и новенькія, отъ которыхъ еще вкусно пахло типографской краской...

Одни кусочки чрезвычайно напоминали мнѣ ярлычки на спичечной коробкѣ, другіе —наклейку на лимонадной бутылкѣ, третьи наклейку на нарзанной бутылкѣ—даже орелъ былъ нарисованъ,—четвертые очень походили на крапъ игральныхъ картъ.

Были и просто спокойныя сѣрыя бумажки..

А одна бумажка, размѣромъ побольше другихъ, даже понравилась мнѣ: очень красиво на ней была изображена яркая—желтая съ чернымъ—георгіевская лента

—Послушайте,—робко сказалъ я, приблизившись къ управляющему, — нельзя ли мнѣ обмѣнять этотъ ярлычокъ отъ спичечной коробки на большую штучку съ желтой ленточкой.

—Можно— усмѣхнулся управляющій.— Только я у васъ возьму за одну съ ленточкой—25 ярлычковъ.

—Ловкій какой,—подумалъ я, отходя.— 25 ярлычковъ! Штуки три я бы еще далъ, а 25... Ищи другихъ дураковъ!

Я отобралъ самые красивые кусочки съ картинками и ярлыки — и сунулъ все это въ карманъ, а узенькія маленькія ленточки были некрасивыя — я ихъ выбросилъ: улучилъ минуту, когда управляющій не смотрѣлъ на меня, и бросилъ въ уголъ.

А то замѣтитъ еще, обидится...

* * *

Пришелъ я домой, вынулъ пачку подаренныхъ мнѣ бумажечекъ и положилъ ихъ въ ящикъ письменнаго стола—въ этомъ ящикѣ у меня всякій дрязгъ валяется: кусочки обгорѣлаго сургуча, приглашенія на свадьбу съ золотымъ обрѣзомъ и пуговицы отъ давно уже погибшихъ брюкъ.

А вчера слышу, маленькій сынишка сосѣдки такъ раскапризничался, что силъ нѣтъ—работать мѣшаетъ.

Взялъ я часть полученной мною пачки пошелъ къ нему, сталъ его утѣшать:

—Погляди-ка какая цаца: если не будешь плакать, я тебѣ подарю.

Подошла мать, посмотрѣла на насъ, сказала небрежно:

—Вы ему этихъ засаленныхъ бумажекъ не давайте—еще заразится, не дай Богъ... Дайте ему лучше эту, съ черно-желтой ленточкой.

—Пожалуйста. На тебѣ, Петя... Видишь, какая хорошая ленточка. И вотъ тебѣ еще двѣ сѣренькія бумажечки съ красными дядями. Видишь, какія хорошенькія мордочки въ кружочкѣ.

Заинтересованное дитя сразу затихло.

Вообще, дѣтей можно купить всякимъ пустякомъ. Нужно только знать, какъ къ нимъ подойти...

* * *

Вчера писалъ для одного знакомаго рекомендательное письмо...

Онъ сидѣлъ тутъ же, ждалъ.

Въ перо попала волосинка и повезла, замазывая всѣ закругленія буквъ.

Я выругался, поискалъ глазами клочекъ бумажки, чтобы очистить перо, не нашелъ, выдвинулъ ящикъ стола, взялъ одинъ ярлычекъ и сталъ обтирать перо.

И тутъ я съ удивленіемъ замѣтилъ, что на лицѣ моего знакомаго отразился ужасъ.

—Что вы дѣлаете?! крикнулъ онъ.

—Развѣ не видите? Обтираю.

— Чѣмъ? Да вѣдь эта керенка!!

—Ну? Я не зналъ, что оно такъ называется.

—Да вѣдь это деньги!!!

—Что вы говорите?—ахнулъ я, искренно огорченный.— Неужели на эту бумажку можно купить костюмъ?

—Ну, положимъ, для костюма нужно такихъ штукъ пятьсотъ, шестьсотъ.

—Вотъ видите! Гдѣ же мнѣ столько набрать... А башмаки можно купить?

—Штукъ двѣсти нужно.

—То-то и оно. А у меня ихъ и пятидесяти штукъ не наберется. Тутъ, впрочемъ, еще есть такія, съ красными портретиками...

—Это украинки!..

—Что вы говорите? А эти, вотъ, розово-лиловенькія, пестренькія...

—Ну-да! Крымскія двадцатипятирублевки. Только это фальшивая.

—Плохо сдѣлана, что ли?

—М...м...да, есл хотите. Ее у васъ не примутъ.

—Выбросить, что ли?

—Придержите пока. Можетъ быть, какой нибудь дуракъ и возьметъ.

—А, я давеча мальчишечкѣ далъ поиграть такими вотъ. Одна была съ ленточкой. Черная съ желтымъ.

—И глупо сдѣлали. Вѣдь вы на эти бумажечки можете чего-нибудь купить.

—А чего?

—Ну, я ужъ не знаю. Пойдите на базаре и купите.

„Вретъ, поди", недовѣчиво подумалъ я.

Но—рѣшилъ попробовать.

* * *

Какъ смѣшно!

Оказывается, дѣйствительно, за эти обрѣзочки кое-что даютъ.

Я пошелъ на базаръ, положилъ на прилавокъ одного ларька всю пачку и спросилъ:

—Что дадите за это?

Оказывается, дали:

1) Цѣлаго гуся.

2) Два десятка яицъ.

3) Фунтъ масла.

Подумайте только: цѣлый фунтъ масла!

А и бумажекъ то этихъ было не больше четверти фунта.

Я схватилъ все завернутое мнѣ — гуся, яйца и масло — и поспѣшно ушелъ, почти убѣжалъ, боясь, чтобы торговецъ не раздумалъ.

Вдругъ, да вернетъ.

Гусь оказался очень милымъ, сочнымъ, да и изъ яицъ добрая половина была свѣжая съѣдобная.

Эге-ге...

Начинаю понимать смыслъ жизни...

Давно собирался покушать жаренаго поросенка. Завтра же пойду къ управляющему конторой, попрошу: не дастъ-ли онъ мнѣ еще съ полфунтика бумажекъ.

Узналъ я также, что напрасно выбросилъ тогда узкія длинныя ленточки: за четыре такихъ ленточки даютъ коробку спичекъ.

Это, говорятъ:

— Купонъ.

А чортъ же его зналъ!

Купонъ, не купонъ.

По виду некрасивый.

— — —

Леденящая душу исторія.

Эту исторію разсказалъ мнѣ одинъ очень симпатичный человѣкъ.

—Видите, — сказалъ онъ мнѣ, показывая въ театрѣ на сидящаго въ ложѣ полнаго блондина. — Видите этого господина? Инженеръ Пятеркинъ. Замѣчательно свѣтлая личность! Я очень хотѣлъ поступить къ нему на службу и представьте себѣ — никакъ, ну, никакъ — не могу!

—Что-жъ... не хочетъ онъ, что ли? — спросилъ я вяло, безъ любопытства, какъ спрашиваютъ, обыкновенно, предчувствуя впереди скучный безинтересный разсказъ.

—Онъ-то не хочетъ? Да онъ спитъ и видитъ, чтобы меня къ себѣ залучить!

—Значитъ, *вы* не хотите?

—Хочу! Съ руками и ногами готовъ пойти!

—Понимаю! значитъ дѣло у васъ еще не открылось?

—На полномъ ходу дѣло!

—Догадался: вакансій нѣтъ?

—Есть! Какъ разъ для меня!

—Жалованіе маленькое, что ли?

—Еще вчера онъ предлагалъ мнѣ 20 тысячъ въ мѣсяцъ!

—Да провалитесь вы! въ чемъ же дѣло?! Онъ хочетъ, вы хотите, дѣло интересное. жалованье большое,—а поступить не можете!

И тутъ, отведя меня въ уголокъ за дверью, онъ разсказалъ мнѣ одну изъ самыхъ дикихъ исторій нашихъ дикихъ дней.

* * *

...Этотъ Пятеркинъ обо мнѣ очень много наслышанъ.

Какъ то встрѣчаетъ меня:

—Поступайте ко мнѣ на службу!

—Къ вамъ то? Да съ удовольствіемъ. А какое жалованіе?

—Три тысячи въ мѣсяцъ.

—Пожалуй, подходитъ. Закончу дѣла на своей теперешней службѣ и черезъ двѣ недѣли къ вамъ.

Закончилъ я дѣла, собрался къ инженеру Пятеркину, узнала жена, одобрила. Потомъ спрашиваетъ:

—А какое жалованіе?

—Три тысячи.

—Съ ума ты сошелъ? Не хватитъ!

—Постой... А я уже двѣ недѣли тому назадъ покончилъ съ нимъ.

—То было двѣ недѣли тому назадъ, а то теперь! Тогда масло стоило 30 рублей фунтъ, а теперь 45, тогда ботинки стоили тысячу рублей, а теперь полторы. И все такъ... Пойди, измѣни условія!

Прихожу: разсказываю. Инженеръ Пятеркинъ, какъ я уже изволилъ вамъ докладывать, — свѣтлая личность! Да, говоритъ, вы правы... За эти двѣ недѣли жизнь поднялась въ полтора раза. Хорошо. Будете вы у меня получать четыре съ половиной тысячи!

Радостный, побѣжалъ я къ женѣ. До того бѣжалъ, что вспотѣлъ, пронизало меня вѣтромъ, пришелъ домой и слегъ.

Инфлуенца.

Двѣ недѣли провалялся. Всталъ, собираюсь къ инженеру Пятеркину.

А жена опять:

—Постой! Какъ же ты будешь получать четыре съ половиной тысячи, когда жизнь опять вздорожала на 35 процентовъ. Масло, что стоило 2 недѣли тому назадъ 45 — теперь 60, ботинки вмѣсто полуторы — двѣ тысячи!

Пошелъ я къ этой свѣтлой личности —Пятеркину, разсказалъ.

Съ одного слова все понялъ человѣкъ!

—Вѣрно, говоритъ. — Ежели, — говоритъ, — по маслу равняться — цѣна вамъ шесть тысячъ. Только подождите двѣ недѣльки. Пока вы болѣли, я на ваше мѣсто взялъ на мѣсяцъ временнаго человѣка. Дослужитъ онъ и уйдетъ, А вы на его мѣсто.

Подождалъ я двѣ недѣли, собираюсь итти къ Пятеркину.

Жена опять:

—А на какое жалованіе?

—Шесть тысячъ.

—Что ты, милый! Какъ же можно на шесть тысячъ прожить, когда масло уже 120, ботинки — четыре тысячи...

Прихожу къ этой буквально замѣчательной личности Пятеркину — разсказываю...

— Вѣрно, — говоритъ. — Если ужъ начали мы по маслу равняться и по ботинкамъ — такъ и будемъ продолжать. Значитъ, полагается вамъ 9 тысячъ. Контрактъ на 3 года, какъ у насъ установлено...

Тутъ меня и осѣнило.

—Позвольте! — говорю, — ежели за это время каждый мѣсяцъ цѣны на все увеличиваются вдвое, то какъ же я могу застыть на одномъ и томъ же жалованьи? Вѣдь этакъ я мѣсяца черезъ три умру съ голода.

До чего это была свѣтлая личность — сказать даже не могу.

—Вѣрно, кричитъ, совершенно безспорно! Тогда мы, если вы хотите, сдѣлаемъ расчетъ прогресивный. Два мѣсяца тому назадъ сколько стоило масло?

—30 рублей.

—Мѣсяцъ тому назадъ?

—60.

—Теперь?

—Значитъ, 120.

—Ботинки?

—То же самое: тысяча — двѣ тысячи — четыре тысячи...

—Такъ съ, говоритъ, теперь, когда мы математически установили вздорожаніе жизни въ мѣсяцъ ровно вдвое... (охъ, и математикъ же былъ шельма! Свѣтлая голова! не даромъ—инженеръ!)...то теперь мы, говоритъ, равняясь по маслу и ботинкамъ, исчислимъ математически и увеличеніе вашего жалованія... Этотъ мѣсяцъ вы получите 9 тысячъ, второй - 18, третій - 36, четвертый - 72. пятый - 134, шестой - 288, седьмой - 576, восьмой... ну, будемъ для ровнаго счета считать - милліонъ въ мѣсяцъ. На девятый мѣсяцъ - 2 милліона, десятый - четыре, одиннадцатый - 8, двѣнадцатый - 16 милліоновъ...

Онъ погрузился въ вычисленія, потомъ оторвался, покрутилъ головой:

—Гм.. да! Выходитъ, что къ концу второго года вы получите ежемѣсячно 64 милліарда, а къ серединѣ третьяго года свыше четырехъ билліоновъ въ мѣсяцъ.

—Многовато,—задумчиво сказалъ я.

—Да, дѣло, пожалуй, этого не выдержитъ.

— И возиться съ ними, съ такой уймой деньжищъ, тоже, знаете, затруднительно. Вѣдь эти четыре билліона домой привезти — обозъ нанимать придется!

— И вѣрно! А сколько милліардовъ одинъ обозъ будетъ стоить? Да помѣщеніе для храненія нужно... Сухое, желѣзобетонное! Да страховка отъ пожара, да сторожа, да счетчики...

Говорю-жъ вамъ — свѣтлая былъ голова инженеръ Пятеркинъ — все высчиталъ — даже сторожей не забылъ!

Сидимъ мы, молчимъ оба — грустные пребольшущие грустные.

— Что жъ теперь дѣлать, спрашиваю. Можетъ плюнуть пока на эти расчеты и поступить къ вамъ тысячъ на десять!.. А тамъ видно будетъ.

— А контрактъ на 3 года? Вѣдь по уставу нашего общества — мы безъ контракта не можемъ.

Вздохнулъ я. Ушелъ.

И такъ вотъ до сихъ поръ хожу я къ нему. Поговоримъ, поговоримъ и разойдемся.

И мнѣ хочется служить, и ему страхъ, какъ хочется, чтобы я поступилъ. И прошло уже съ тѣхъ поръ три недѣли. И масло уже 180, ботинки вчера женѣ купилъ — 7000, значитъ нашъ расчетъ «по маслу» былъ вѣренъ, а поступить все не могу!..

Сойдемся оба и чуть не плачемъ. . . .

. . . . . .

. . . . . .

* * *

Голова расказчика уныло свисла на грудь.

— А я, собственно, не понимаю, замѣтилъ я, почему вамъ было не подписать контрактъ на эти 4 билліона? Получали бы вы 4 билліончика въ мѣсяцъ, а ботинки стоили бы тогда билліончика три...

— Мы то оба понимаемъ, но главное — перевозка! Да наемъ сухого желѣзобетоннаго сарая, да сторожа, да счетчики, да касиры... Инженеръ Пятеркинъ — свѣтлѣйшая голова — онъ ужъ все высчиталъ!

Да... Страшныя леденящія кровь драмы совершаются около насъ каждый день, а мы проходимъ себѣ мимо, какъ дураки, и ничего не замѣчаемъ...

———

4. СПЕКУЛЯЦІЯ.

1. Борцы.
2. Торговый Домъ «Петя Козырьковъ».
3. Прогнившіе насквозь.

Борцы.

На первомъ организаціонномъ собраніи „Общества русскихъ гражданъ, сорганизовавшихся для борьбы со спекуляціей" („Обспек")— иниціаторъ организаціи Голендухинъ говорилъ:

—Господа! Не только административными мѣрами нужно бороться со спекуляціей! На помощь власти должны притти сами граждане, должна притти общественность! Посмотрите на Англію (и всѣ посмотрѣли на Англію)— тамъ однажды торговцы повысили цѣну на масло — всего два піастра на фунтъ — и что же! Вся Англія встала на ноги, какъ одинъ человѣкъ — масло совершенно перестали покупать, всеобщее возмущеніе достигло такой степени, что...

— Простите, — поправилъ Охлопьевъ, — но въ Англіи піастровъ нѣтъ. Тамъ —пенни.

— Это все равно. Я сказалъ для примѣра. Обратите вниманіе на Германію (и всѣ обратили вниманіе на Германію) — тамъ на рынкѣ фунтъ радія стоитъ...

— Я васъ перебью, — сказалъ Охлопьевъ, — но радій на фунты не продается...

— Я хотѣлъ сказать—на піастры...

— Піастры—не мѣра вѣса...

— Все равно! Я хочу сказать: если мы сейчасъ повернемся въ сторону Россіи (и всѣ сразу повернулись въ сторону Россіи), то... Что мы видимъ?!

— Ничего хорошаго— вздохнулъ Бабкинъ.

— Именно вы это замѣчательно сказали ничего хорошаго. У насъ царитъ самая безудержная спекуляція и нѣтъ ей ни мѣры, ни предѣла!.. И всѣ молчатъ, будто воды въ ротъ набрали! Почему мы молчимъ! Будемъ бороться, будемъ кричать, разоблачать, бойкотировать!!

— Чего тамъ разоблачать, — проворчалъ скептикъ Турпачевъ. — Сами хороши.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать о нашемъ же сочленѣ Гадюкинѣ.

— Да, господа! Это наша язва, и мы ее должны вырвать съ корнемъ. Я, господа, получилъ, свѣдѣнія, что нашъ сочленъ Гадюкинъ, командированный нами за покупкой бумаги для воззваній, узналъ, что на трехъ складахъ, которые онъ до того обошелъ, бумага стоила по 55 тысячъ, а на четвертомъ складѣ съ него спросили 41 тысячу... И онъ купилъ на этомъ складѣ 50 пудовъ и продалъ сейчасъ же въ одинъ изъ первыхъ трехъ складовъ по 47 тысячъ.

— Вотъ-те и поборолся со спекуляціей, — вздохнулъ Охлопьевъ.

— Ловко, — крякнулъ кто то съ нѣкоторой даже какъ будто завистью.

— Именно, что неловко, разъ попался.

— Вниманіе, господа! Продолжалъ Голендухинъ. — Я предлагаю пригвоздить поступокъ Гадюкина къ позорнымъ столбцамъ какой нибудь видной вліятельной газеты, а самого его въ нашей средѣ предать... этому самому...

— Чему?

— Ну, этому... Какъ ея Остро...остра..

— Остракизму?—подсказалъ Охлопьевъ.

— Во-во! Самому острому кизму.

— Чему?

— Кизму. И самому острѣйшему.

— Позвольте: что такое кизмъ?

— Я хотѣлъ сказать— изгнаніе! Долой спекулянтовъ!

Всталъ Охлопьевъ.

— Господа! Конечно, мы должны бичевать спекулянтовъ, откуда бы они ни появлялись... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны и отдавать дань уваженія тѣмъ коммерсантамъ, которые среди этого повальнаго грабежа и разгильдяйства сохранили «душу живу». Я предлагаю послать привѣтствіе оптовому торговцу Чунину, который получивъ изъ заграницы большую партію сгущеннаго молока, продаетъ его по 1,100 р., въ то время, когда другіе оптовики продаютъ по 1.500 и это при томъ условіи, что сгущенное молоко еще подымется въ цѣнѣ!!

— А гдѣ онъ живетъ? — задумчиво спросилъ Бабкинъ.

— А вамъ зачѣмъ?

— Да такъ зашелъ бы... поблагодарить. Отдать ему дань восхищенія..,

— Онъ живетъ, Соборная, 53, но дѣло не въ этомъ...

Всталъ съ мѣста Турпачевъ.

— Предлагаю перерывъ или вобще даже.. Закрыть собраніе ..

— Почему?

— Да жарко... И вообще... Закрыть луч-ше. До завтра.

— Да! — сказали Грибовъ, Абрамовичъ и Назанскій. —Мы присоединяемся. Закрыть.

Большинствомъ голосовъ постановили: закрыть.

* * *

У воротъ дома Соборная, 53—столкну-лись трое: Абрамовичъ, Бабкинъ и Грибовъ.

— Вы чего тутъ?!

— А вы?

— Да хочу зайти просто... Отъ имени об-щества принести благодарность Чу-ину, этому

благородному піонру, которыи на фонѣ всеобщаго грабежа, сіяя яркимъ свѣтомъ...

— Бросьте. Все равно опоздали!

— Какъ... опоздалъ?

— Свинья этотъ Голендухинъ. А еще предсѣдатель! Иниціаторъ...

— Неужели все скупилъ?

— До послѣдней баночки. А? По 1,100.. А я-то, и пообѣдать не успѣлъ, и извозчика гналъ.

— Возмутительно!! Въ эти дни когда общественность должна бороться... Гдѣ онъ сейчасъ?

— Только что за уголъ завернулъ. Еще догоните.

Изъ воротъ вышелъ Турпачевъ.

— Господа! Я предлагаю не оставлять безнаказаннымъ этого возмутительнаго проступка представителя общественности, въ то время, когда наша Родина корчится въ мукахъ, когда уже брезжит слабый свѣтъ новой прекрасной Россіи.

— Слушайте, Турпачевъ... А онъ по 1300 не уступилъ бы?

— Какое! Я по 1400 предлагалъ — смѣется! Если мы, господа, обернемъ свои взоры къ Англіи...

Но никто уже не оборачивалъ своихъ взоровъ къ Англіи.

Стояли, убитые.

———

Торговый Домъ Петя Козырьковъ.

Мы уже стали забывать о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено добываніе денегъ «до послѣзавтра».

Въ свое время — до революціи, которая поставила все вверхъ ногами — это было самое трудное, требующее большой сноровки искусство.

Подходилъ одинъ знакомый къ другому и, краснѣя и запинаясь и желая провалиться сквозь землю, тихимъ, умирающимъ голосомъ спрашивалъ:

— Не можете ли вы одолжить мнѣ пятьдесятъ рублей на двѣ недѣли?

— Знаете что? — находчиво возражалъ капитанистъ. — Я лучше одолжу вамъ два рубля на пятьдесятъ недѣль.

Иногда ловили на ошеломляющей неожиданности:

— Послушай, — запыхавшись, подлеталъ одинъ къ другому, — нѣтъ ли у тебя двугривеннаго съ дырочкой?

— Н-нѣтъ... — растерянно бормоталъ спрашиваемый. — В... вотъ — безъ дырочки есть.

— Ну, чортъ съ тобой, все равно, давай безъ дырочки!

И, выхвативъ у сбитаго съ толку простяка серебряный двугривенный, исчезалъ съ нимъ.

Были случаи и явно безнадежные:

— Что это у васъ?.. Новая сторублевка? Вы знаете, моя жена еще такихъ не видѣла. Дайте, снесу покажу ей... Да вы не бойтесь — верну. Дня черезъ три-четыре встрѣтимся, и верну.

А вотъ случай, чрезвычайно умилительный по своей безпочвенности:

— Что это вы все въ землю смотрите?

— А? Полтинникъ ищу.

— Обронили, что ли?

— Я? Нѣтъ. Но я думаю, можетъ, кто другой обронилъ.

Ахъ, съ какимъ трудомъ раньше давали взаймы.

По свидѣтельству старинныхъ лѣтописцевъ (да позволено намъ будетъ выразиться по церковно-славянски) — это было «дѣло великаго поту»...

Должникъ приступалъ къ этой несложной операціи будто къ операціи собственнаго апендицита, дрожа, заикаясь и спотыкаясь, заимодавецъ — съ наглостью и развязностью необычайной, неслыханной - третировалъ несчастнаго en canaille, задавая ему рядъ глупыхъ вопросовъ и одаривая его попутно ни къ чорту негодными совѣтами:

— А? Что? Да! Взаймы просите. Вы что же думаете, что у меня денежный заводъ, что ли? Нужно жить экономнѣе, молодой человѣкъ, сообразуясь съ вашими средствами! Если бы я еще самъ печаталъ деньги — тогда другое дѣло!.. А то вѣдь я ихъ не печатаю — неправда ли? Чего вы тамъ бормочете? А? Что? Ничего не понимаю!

Фу, какое было гадкое чувство!

* * *

А теперь у насъ, въ Россіи, насталъ подлинный золотой вѣкъ:

—А, что? Просите 7 тысячъ? Да какой же это счетъ — 7 тысячъ? Не буду же я ради васъ мѣнять въ лавочкѣ десятитысячную?! Или берите цѣликомъ десятитысячную или подите къ чорту.

— Очень вамъ благодаренъ... Повѣрьте, что я на будущей недѣлѣ... сейчасъ же...

— Ладно, ладно, не отнимайте времени пустяками...

— Ей Богу, я какъ только получу отъ папы деньги...

— Да отстанете вы отъ меня или нѣтъ?.. Дѣйствительно, нашелъ о какой дряни разговаривать...

— Повѣрьте, что я никогда не забуду вашей... вашего...

— А чтобъ ты провалился! Не перестанешь приставать — выхвачу обратно бумажку и порву на кусочки!

— Однако... Такое одолженіе... Такъ выручили...

Сразу видно, что это старозавѣтный, допотопный должникъ.

Новый, возьметъ и даже не почешется,

А если вся требуемая сумма — тысяча или двѣ — такъ онъ это сдѣлаетъ мимоходомъ, будто, летя по своимъ дѣламъ, на чужой сапогъ сплюнулъ.

Сколько стоятъ папиросы? Двѣ тысячи? Сеня! Заплати, у меня нѣтъ мелкихъ. Какъ нибудь сочтемся, а не сочтемся — такъ тоже не важно!

И Сеня платитъ, и Сеня смѣется, распяливъ ротъ, не менѣе весело, чѣмъ жизнерадостный курильщикъ.

* * *

Позвольте разсказать объ операціи, которую любой изъ читателей можетъ продѣлать въ любой день недѣли, и которая, тѣмъ не менѣе, несетъ благосостояніе на всю остальную жизнь...

Одинъ ушибленный жизнью молодой человѣкъ, по имени Петя Козырьковъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, лежалъ въ своей убогой комнатѣ на кровати и слушалъ черезъ перегородку, какъ его честила квартирная хозяйка:

— И чортъ его знаетъ, что это за человѣкъ?! Другіе, какъ люди: спекулируютъ, хлопочутъ, торгуютъ, милліоны въ мѣсяцъ зарабатываютъ, а этотъ!.. И знакомства есть всякія и все... а чортъ его знаетъ, какой неудалый! Слушайте, вы! Еще мѣсяцъ я васъ держу и кормлю, потому я вашу покойную маму знала, а черезъ мѣсяцъ, со всѣми бебехами вонъ къ чертямъ свинячимъ! Вотъ мое такое благородное, честное слово...

А, надо сказать, Петя не зря лежалъ: онъ дни и ночи обдумывалъ одинъ проектъ.

Теперь же, услышавъ ультиматумъ, дарующій ему совершенно точно одинъ мѣсяцъ обезпеченной пищей и кровомъ жизни, Петя взвился на дыбы, какъ молодой конь, и, неся въ умѣ уже выкристаллизованное рѣшеніе, — помчался на Нахимовскій проспектъ.

Извѣстно, что Нахимовскій проспектъ это, все равно, что Невскій проспектъ: нѣтъ такого человѣка, который два-три раза въ день не прошелся бы по немъ.

И вотъ на этомъ свойствѣ Нахимовскаго построилъ Петя свою грандіозную задачу:

сталъ у окна гастрономическаго магазина Ичаджика и Кефели, небрежно опершись о мѣдный прутъ у витрины, и сталъ ждать...

Ровно черезъ три минуты прошелъ первый знакомый...

— Афанасій Ивановичъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Голубчикъ! У меня къ вамъ просьба: дайте десять тысячъ. Не захватилъ съ собой бумажника, а нужно свѣчей купить.

— Да сдѣлайте ваше такое одолженіе... Пожалуйста. Что подѣлываете?...

— Такъ, кой-чего. Спасибо. Встрѣчу, отдамъ.

— Ну, какія глупости. Будьте здоровы. Починъ, говорятъ, дороже денегъ.

Черезъ полчаса у Пети было уже 70 тысячъ, а черезъ четыре часа 600.

Это была, правда, скучная работа, но Петя для развлеченія варьировалъ ея детали: то ему нужно было купить не свѣчей, а винограду для имяниницы, то «ему предлагали пріобрѣсти очень миленькое колечко за триста тысячъ» и не хватало десяти.

Короче говоря — къ шести часамъ вечера — Петя встрѣтилъ и задержалъ на ми-

нутку сто знакомыхъ, что составляло по самой простой ариѳметикѣ — милліонъ!

Пересчиталъ Петя добычу, сладко и облегченно вздохнулъ и помчался въ кафе.

Увѣренно подошелъ къ одному занятому столику.

— Сгущенное молоко есть?

— Сколько надо?

— А почемъ?

— Оптомъ двѣ тысячи.

— Пятьсотъ коробокъ.

— Ладно. Завтра утромъ на складъ.

Свезъ Петя пятьсотъ коробокъ домой, сунулъ ихъ подъ кровать, легъ на кровать — и начался для него мѣсяцъ самой сладкой жизни: дни и ночи лежалъ онъ на кровати, этотъ умный Петя, и чувствовалъ онъ, что въ это самое время подъ нимъ совершается таинственный и чудный процессъ постепеннаго, но вѣрнаго обогащенія его сгущеннымъ щвейцарскимъ молокомъ, — неизслѣдованный еще новыми экономистами процессъ набуханія и развитія.

И ровно черезъ мѣсяцъ слѣзъ Петя съ кровати, пошелъ въ кафе и усѣвшись за столикъ, громогласно сказалъ:

— Есть пятьсотъ банокъ сгущеннаго молока. Продаю.

Налетѣли, какъ саранча.

— Почемъ?

— А сколько дадите?

— По четыре!

— По шесть дайте.

— По пять!!

— Сдѣлано.

Получилъ Петя два съ половиной милліона, расплатился съ добросердечной хозяйкой, пошелъ на Нахимовскій, сталъ на то же мѣсто и принялся ловить своихъ заимодавцевъ:

— Афанасій Ивановичъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ. Что это я васъ не видѣлъ давно? Тамъ за мной должокъ... Вотъ, получите.

— Ну, что за глупости. Стоитъ ли безпокоиться. Я, признаться, и забылъ. Спасибо. Ну, что подѣлываете?

— Такъ, кой чего. Александръ Абрамовичъ! Одну минутку. Здравствуйте... Тамъ за мной должокъ.

— Ну, какой вздоръ. Спасибо. Что это за деньги, хе-хе. Однѣ слезы.

— Ну, все таки!

До вечера простоялъ у магазина Ичаджика и Кефели честный Петя, а на другой день — купилъ на оставшійся милліонъ спичекъ и папиросъ, сунулъ ихъ подъ кровать, самъ легъ на кровать, и такъ далѣе. . . .

. . . , ...

Если вы, читатель, ходите по Нахимовскому, а, живя въ Севастополѣ, вы не можете избѣжать этого — вы должны замѣтить большой магазинъ, заваленный товарами, а надъ огромнымъ окномъ—золоченая вывѣска:

«Торговый Домъ Петръ Козырьковъ. Мануфактура и табачныя издѣлія. Оптъ».

———

Прогнившіе насквозь.

Залъ ресторана. Пустынно. Только за однимъ изъ столиковъ сидятъ мужъ и жена, за другимъ столикомъ, поодаль отъ мужа и жены — элегантный молодой господинъ.

У стѣны уныло, какъ осенняя муха, дремлетъ лакей.

Вотъ и вся рельефная карта, вотъ и вся диспозиція той мѣстности, гдѣ должна произойти битва житейская.

Начинается тѣмъ, что мужъ бросаетъ цѣлый дождь сердитыхъ взглядовъ то на жену, то на молодого человѣка.

Взгляды дѣлаются все ревнивѣе, все яростнѣе.

Наконецъ, мужъ не выдерживаетъ, вскакиваетъ, надѣваетъ нервно перчатки и,

скрестивъ руки, подходитъ къ элегантному господину:

— Милостивый Государь!!

— Милостивый Государь? — хлднокровно приподымаетъ одну бровь молодой господинъ.

— Я замѣтилъ, что вы смотрѣли на мою жену!

— Согласитесь сами, что я не могу вывинтить свои глаза и спрятать въ карманъ. Надо же ихъ куда нибудь дѣвать.

— Да! Но вы смотрѣли на нее особеннымъ взглядомъ.

— Почемъ вы знаете — можетъ быть у меня всѣ взгляды особенные.

— Вы на нее смотрѣли любовнымъ взглядомъ!!

— Вы должны гордиться, что ваша жена можетъ внушить такое серьезное чувство.

— Ахъ, такъ вы же еще и издѣваетесь? Въ такомъ случаѣ — вотъ вамъ!

Мужъ стаскиваетъ перчатку и бѣшенно бросаетъ ее въ лицо молодому господину.

— Что это значитъ?

— Я бросилъ вамъ перчатку! Вызываю васъ къ барьеру!

— О, сдѣлайте одолженіе! Я подымаю брошенную вами перчатку и принимаю ее.

— То есть, какъ принимаете? Вы должны мнѣ ее вернуть!

— Ничего подобнаго! Дуэльный кодексъ Дурасова гласитъ...

— Плевать я хотѣлъ на дурасовскій кодексъ, когда мои перчатки стоятъ 28 тысячъ!!

— Вотъ эти вотъ перчатки?! Полноте!

— Вы считаете меня лжецомъ?

— Я васъ не считаю лжецомъ, но васъ просто ограбили. Содрали съ васъ. Я вамъ дюжину паръ такихъ перчатокъ могу достать за 200 тысячъ.

— Ей Богу? А гроссъ можете?

— Пожалуйста! Какіе номера?

— Я вамъ сейчасъ запишу. Одну минутку.

Оба начинаютъ записывать въ записныя книжки.

Жена, наблюдавшая съ волненіемъ начало этой сцены, вдругъ начинаетъ рыдать.

— Что такое, — оборачивается мужъ.

Въ чемъ дѣло? Постой, мы сейчасъ кончимъ.

— Ты сейчасъ кончишь?! О слизнякъ, для котораго дюжина перчатокъ дороже чести жены. Я долго колебалась и сомнѣвалась въ твоемъ ничтожествѣ... Но теперь — увы! Сомнѣнія нѣтъ. Ни одной минуты я не могу быть подъ одной крышей съ такой торгово-промышленной слякотью, съ такой куртажной мразью! Я ухожу отъ тебя.

— Опомнись, Катя, милая...

— Прочь съ моего пути! Давай мнѣ милліонъ, и я ухожу отъ тебя навсегда!

— Какой милліонъ? За что?

— Нужно же мнѣ жить чѣмъ нибудь?

— Прости, но я взялъ за тобой въ приданое всего 12 тысячъ...

— Да! Восемь лѣтъ тому назадъ! Когда нашъ золотой десятирублевикъ стоилъ 10 рублей. (Обращаясь къ молодому человѣку). Эй, вы! Сколько бы теперь это стоило? Тѣ 12 тысячъ! Ну, скорѣе!

Молодой человѣкъ съ готовностью выхватываетъ записную книжку.

— Сію минуту-съ! Высчитаю.

Мужъ и жена усаживаются за разные столики, съ нетерпѣніемъ ждутъ конца вычисленія.

— Ну что же вы? (нервничаетъ жена),

— Скоро?

— Вотъ! По золотому курсу, это 183 милліона 752 тысячи.

Жена энергично:

— Видишь, грабитель? Отдавай мнѣ мои 183 милліона!

— Постой... Вѣдь мы же ихъ проживали вмѣстѣ. Знаешь что? Возьми семьсотъ тысячъ?

— Милліонъ!

Мужъ, вынимая изъ кармана деньги:

— Эхъ! Всюду убытки,

Жена идетъ къ выходу, потомъ возвращается.

— Да! Я и забыла: давай еще шестьсотъ тысячъ.

— За что?!

— Какъ за что? Вѣдь я отъ тебя завтра утромъ переѣзжаю!

— Ну, такъ что?

—Значитъ освобождаю свою комнату. Ты ее сейчасъ же сдашь — я тебя знаю — и сдерешь за нее тысячъ сто въ мѣсяцъ! Вотъ и давай мнѣ за первый годъ половину.

Мужъ, хватаясь за голову:

—А я тебя такъ любилъ... Человѣкъ, счетъ!

Офиціантъ подбѣгаетъ съ бумажкой въ рукѣ.

—Что-о? — кричитъ мужъ, просматривая счетъ. — За бутылку этого гнуснаго вина вы деретe 15 тысячъ?!

—Помилуйте, господинъ... Себѣ въ покупкѣ стоитъ 12 тысячъ.

—Вотъ эта дрянь? Да я вамъ по девяти съ половиной сколько угодно достану!

—Годится! Два ящика можете? Франко рестоанъ?

Оба садятся за столикъ, записываютъ сдѣлку. Въ это время оставленный всѣми молодой господинъ бочкомъ подбирается къ дамѣ, шепчетъ что-то...

—Франко ваша квартира? — улыбаясь, спрашиваетъ дама.

—Франко любая моя комната.

Оба смѣются, онъ беретъ ее подъ руку. Уходятъ.

Мужъ, аккуратно записавъ въ книжку новую сдѣлку, поднимаетъ голову:

—Человѣкъ! А гдѣ же жена?

—Она ушла съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ.

—О, Боже! — со стономъ вскрикиваетъ мужъ, опуская голову на руки.—Какой ужасъ!

Тихо рыдаетъ.

Растроганный лакей, склонившись надъ нимъ, ласково гладитъ его по плечу:

—Вы очень страдаете, господинъ?

—Еще бы! Гроссъ перчатокъ, дюжина по двѣсти—и я не успѣлъ записать его адреса!

———

5. ДЕМОКРАТІЯ

1. Драма на морѣ.
2. Дневникъ одного портного.
2. Аристократъ Сысой.

Драма на морѣ.

Матросы одного океанскаго судна поймали акулу...

Вытащили ее крюкомъ на палубу и распластали.

— А интересно, братцы, что у нея въ желудкѣ, — сказалъ судовой врачъ.

Бравый матросъ однимъ ударомъ ножа вспоролъ акулій желудокъ, безстрашно сунулъ туда руку и вытащилъ... человѣческій черепъ и записную книжку въ прочномъ коленкоровомъ переплетѣ, только чуть-чуть разъѣденномъ ѣдкимъ желудочнымъ сокомъ.

— Глянь, ребята — сказалъ юнга. — Обезьяничій черепъ.

— Ничего подобнаго, — возразилъ докторъ. — Судя по формѣ — это черепъ первобытнаго дикаря. Первая ступень развитія.

— Не думаю, чтобъ «первая ступень»,— засмѣялся младшій офицеръ. — Не думаю, чтобы первобытный дикарь, ибо при черепѣ есть записная книжка. Несомнѣнно — обладатель и черепа и книжки — одно и то же лицо. А ну, поглядимъ... Ба! написано по русски. Значитъ, компатріотъ! Угораздило бѣднягу. Послушайте-ка!

* * *

«Сыя записная книжка принадлежитъ члену „Профсогреба“ Веденею Дрыкину».

Воскресенiе. Ужасъ, ужасъ и еще разъ ужасъ. Наша старая рыбачья шхуна „Амфитрита“ пошла ко дну ко всѣмъ чертямъ. Спасся только начальникъ и мы, шестеро... Плывемъ въ лодкѣ — куда невѣдомо! Хорошо еще, что начальникъ захватилъ компасъ и карту... Говоритъ, что берегъ въ 80 миляхъ, и если хорошо грести, то въ шесть дней догребемъ до берега. Навались, ребята!

Понедѣльникъ. Гребемъ. Подсчитывали раціоны. Если по два сухаря и по куску солонины въ день, то на 5-6 дней хватитъ. Гребемъ день и ночь.

Вторникъ. Гребли, гребли, вдругъ встаетъ товарищъ Алеша Гайкинъ и говоритъ этотъ Алеша Гайкинъ:

— А что, — говоритъ, — товарищи — вѣдь тяжелая штука эта гребля.

— Очень, говоримъ, тяжелая.

— Это, говоритъ, трудъ, а всякій трудъ долженъ быть организованъ! Поэтому, говоритъ, предлагаю немедленно основать профессіональный союзъ гребцовъ для защиты нашихъ пролетарскихъ гребцовскихъ интересовъ!

Начальнику это не особо, чтобы понравилось:

— Что вы, говоритъ, ребята! Какіе тамъ союзы? Гребите себѣ и конецъ! Доберемся до берега — тогда что хотите дѣлайте.

— Нѣтъ, говоритъ Алеша, это ты врешь! Тогда уже поздно будетъ, на берегу-то. Мы должны организоваться сейчасъ. Выбирай товарищи, предсѣдателя!

Вотъ оно, что значитъ: сознательный! сразу сказалъ — что къ чему! Мозговитая башка.

Побрасали мы весла—стали выбирать. Ну, понятное дѣло — Алешу и выбрали.

— Въ такомъ разѣ, кричитъ Алеша (радостный такой), разъ вы меня выбрали, то требую восьмичасового рабочаго дня и никакихъ гвоздей!

А начальникъ — смѣхъ на него смотрѣть — прямо, что только не плачетъ:

— Да съ ума, вы, говоритъ, посходили! Гдѣ же это, кричитъ, видано, чтобы публика чуть ко дну не идетъ, а сама восьмичасового дня требуетъ!? Да я самъ, своими руками, буду хоть 15 часовъ грести... Одумайтесь, ребята.

— Думали, говоритъ Алеша, достаточно... И разъ у насъ проснулось классовое самосознаніе, то никакихъ вашихъ разговоровъ не должно быть. Правильно, товарищи? Голосуйте вставаніемъ...

Проголосовали вставаніемъ — смѣхи — чуть лодку не опрокинули.

А меня секретаремъ выбрали. Вотъ-то здорово! И самъ не ожидалъ.

Среда. Рѣшили грести такъ: четыре часа до обѣда, четыре — послѣ обѣда. А такъ какъ обѣдъ былъ не особо чтобы какой, то Алеша потребовалъ увеличенія пайка подъ угрозою забастовки.

Прямо плакалъ нашъ буржуй-начальникъ:

— Для васъ же, чертей, берегу раціоны.. Вѣдь съ голоду подохнете.

— Это, говоритъ Алеша, все трефовый разговоръ... А разъ, что полетаріатъ работаетъ — онъ долженъ и сносно питаться. Иначе минимумъ производительности!

Четвергъ. Вынулъ нынче Алеша изъ кармана книжечку - календарчикъ, глянулъ въ него, да какъ крикнетъ — таково радостно:

— Братцы - товарищи! А вѣдь нынче престольный праздникъ! Никто не имѣетъ такого права, чтобы заставить насъ у праздникъ работать. Бросай весла!

Ай и голова же! Прямо силъ нѣтъ.

Пятница. Нынче у насъ первый день забастовки. Вся штука вышла изъ за того, что Алеша предъявилъ начальнику отъ имени Профсоюза требованіе о больничной кассѣ и

обезпеченіи на случай потери трудоспособности.

Получили отказъ — забастовали.

Алеша называетъ это: „конфликтъ съ предпринимателемъ.“

Вотъ мозухъ! Гдѣ нибудь въ Англіи или еще гдѣ — министромъ былъ бы, а у насъ такъ, зря околачивается.

Суббота. Забастовка протекаетъ нормально.

До берега 68 миль.

Раціоны — только на завтра. Если потомъ начальникъ перестанетъ кормить — поломаемъ весла.

Алеша такъ это и называетъ:

— „Порча орудій производства.“

Появились акулы.

Этой сволочи еще чего надо?

Воскресенье. Раціоны прикончили. Надо же питаться трудящему человѣку.

Акулы прямо съ ума спятили. Шныряютъ около лодки день и ночь — никакого имъ 8-ми часового рабочаго дня нѣтъ!

Алеша чивой то притихъ, а море, наоборотъ, разыгрывается. Съ запада желтая туча ползетъ, стерва, прямо, какъ живая...

Акулы прямо чуть не черезъ бортъ прыгаютъ... Алеша даже одну кулакомъ по мордѣ хватилъ.

Воскресенье (вечеръ). Буря. Алеша чего то плачетъ.

— Простите, говоритъ, братцы, меня окаяннаго... Черезъ меня всѣ подох... . . .

До чего сволочевый валъ — чуть лодку не перевернулъ! Акулы... . . . . .

Братцы, что жъ это так... . . . . .

* * *

Отъ послѣдней буквы записи тянулся длинный нервный карандашный хвостъ — будто кто то помѣшалъ секретарю Профсоюза дописать слово.

Дальше шли чистые листки.

* * *

— Какая странная исторія, — прошепталъ докторъ, швыряя черепъ черезъ бортъ. — И ужаснѣе всего, что никто отъ этого не выигралъ!..

Офицеръ возразилъ:

— Какъ, никто? А акулы?

———

Дневникъ одного портного.

Мнѣ нужно было заказать себѣ костюмъ. Я пришелъ къ портному и спросилъ:

— Вы портной?

— Видите ли, — отвѣчалъ онъ. — Короче говоря, я дѣйствительный членъ профессіональнаго союза „Игла“.

— Костюмъ мнѣ сшить можете?

— М-м-м... Пожалуй. Только вѣдь это очень трудная штука — сшить костюмъ. Вы не думайте, что это такъ себѣ, пустякъ.

— Я знаю. Если бы это было „такъ себѣ“, я сшилъ бы самъ. Сколько возьмете съ моимъ матерьяломъ.

— Триста тысячъ.

— Виноватъ, я даю и подкладку.

А то какъ же. И пуговицы за вашъ счетъ, и нитки. А иначе, согласитесь сами... Давайте задатокъ. Сто.

Я далъ задатокъ и выжидательно остановился передъ нимъ.

— Чего-жъ вы стоите? Ступайте домой. Какъ нибудь на-дняхъ заверните.

— Виноватъ... А мѣрку?

— Можно и мѣрку. Впрочемъ, это не важно — ростъ у насъ одинъ. На какой нибудь вершокъ вы выше и худѣе.

* * *

Вернувшись домой, я спросилъ у сосѣда:

— Сколько зарабатываетъ теперь ремесленникъ или рабочій?

— А чортъ его знаетъ. Тысячъ триста, я думаю.

— Не можетъ быть! Съ меня сейчасъ за шитье одного костюма взяли триста тысячъ!!

— А, можетъ быть, онъ будетъ шить вашъ костюмъ цѣлый мѣсяцъ.

— Какъ мѣсяцъ?! Раньше въ два дня шили!

— Кто?!

— Портные.

— А теперь кто шьетъ?

— Дѣйствительный членъ профессіональнаго союза „Игла“.

— Ну, вотъ видите.

— А, можетъ, и этотъ, тово... Въ два дня... А?

— Тогда нужно предположить, что за 24 рабочихъ дня въ мѣсяцъ онъ зарабатываетъ три милліона шестьсотъ тысячъ.

— Это неслыханно!!

— Вотъ видите.

* * *

Черезъ недѣлю я пошелъ къ портному на примѣрку. Онъ сказалъ:

— Не готово къ примѣркѣ.

Я безпомощно обвелъ глазами комнату и вдругъ мой взглядъ упалъ на тоненькую тетрадку, валявшуюся на краю огромнаго стола. На обложкѣ было написано:

«Дневникъ дѣйств. члена проф. союза „Игла“ Еремѣя Обкарналова»...

— Хоть стаканъ воды дайте, — кротко попросилъ я.

Онъ пошелъ за водой, а я укралъ тетрадку, сунулъ ее въ карманъ и тихо вышелъ.

Дома прочиталъ. Выписываю безъ сокращеній и измѣненій.

* * *

2-го числа. Принималъ сегодня заказъ. Пока снималъ мѣрку, торговался съ заказчикомъ, глядишь — и день прошелъ.

3-го числа. Разсматривалъ матерію. Какой хорошій матерьялъ носятъ проклятые капиталисты, а? Пока пилъ чай, обѣдалъ, то, сё —анъ ужъ и вечеръ. Прямо ничего не поспѣваешь дѣлать. Засяду съ завтрашняго дня!..

4-го числа. Праздникъ. Не работалъ. Отдыхалъ.

5-го числа. Ходилъ за нитками и пуговицами. Прихожу къ магазину, а онъ закрытъ. Вотъ черти — все бы имъ обѣдать. Вернулся домой, пилъ чай, пошелъ опять — а магазинъ совсѣмъ и закрылся. До чего народъ дармоѣдъ пошелъ. Когда они и торгуютъ — не понимаю.

6-го числа. Воскресенье. Отдыхалъ.

7-го числа. Хоть голова и трещитъ, но работа - первое дѣло. Кроилъ штаны. Выкро-

илъ одну штанину — такъ разломило спину, что разогнуться не могу. Когда же, наконецъ, эта наглая эксплоатація нашего каторжнаго труда прекратится?

8-го числа. Престольный праздникъ. Слава Богу, хочь денечекъ отдохнемъ.

9-го числа. Опять ходилъ за пуговицами. Три магазина обошелъ, пока нашелъ, что нужно. Такъ и проваландался. А здорово, черти, дѣлаютъ шашлыкъ въ погребѣ «Майская Роза»! Только куда я задѣвалъ пуговицы? Неужто въ «Майской розѣ» оставилъ? Пойтить, узнать.

10-го числа. Ну, да - тамъ. Какъ это я Ей Богу...

11-го числа. Штаны почти совсѣмъ выкроилъ. Разломило спину. Пьютъ, пьютъ нашу кровь—и когда это кончится—неизвѣстно.

12-го числа. Скроить жилетку, что ли?

13-го числа. Воскресенье. Разгибалъ спину.

14-го числа. Кроилъ жилетку. Ножницы совсѣмъ тупыя. Снести поточить, что ли ча?

15-го числа. И гдѣ это я могъ забыть? Неужто, опять въ «Майской Розѣ»?

16-го числа. Такъ и есть.

17-го числа. Табельный день.

18-го числа. Собраніе профессіональнаго союза «Игла». Когда же это я за пиджакъ примусь?

19-го числа. Очень большой праздникъ.

20-го числа. Воскресенье.

21-го числа. Заказчикъ ругался, какъ какая то собака. Побылъ бы въ моей шкурѣ! Въ біоскопѣ — картина „Зачѣмъ ты, безумная, губишь того, кто увлекся тобой.“ Пойтить послѣ работы, что ли...

22-го числа. Принималъ заказъ отъ какого-то Аверченки. Очень подозрительная личность. Чуть ли не собирался торговаться. Наглѣетъ публика, силъ нѣтъ. «Мѣрку, говоритъ, сними». Смѣхъ одинъ. Будто съ покойника.

23-го
24-го
25-го
26-го

Кройка брюкъ, полпиджака, „Майская Роза“, пуговицы въ лавкѣ, въ біоскопѣ «И сердцемъ, какъ куклой играя, вы сердце, какъ куклу разбили». Прямо чуть не плакалъ.

. . . . . .

На этомъ дневникъ обрывался.

***

Было время, когда рабочіе и ремесленники съ оружіемъ боролись за введеніе 8-мичасового рабочаго дня.

Я думаю, если бы мы, буржуи, ввели теперь для рабочихъ и ремесленниковъ восьмичасовой рабочій день — они оказали бы намъ вооруженное сопротивленіе.

———

Аристократъ Сысой Закорюкинъ

Такъ какъ не сегодня - завтра это придетъ, то не будемъ, подобно страусу, зарывать голову въ песокъ...

Давайте, взглянемъ этому страшному «ЗАВТРА» прямо въ его смѣющуюся, строющую гримасы – харю.

* * *

У сапожника Сысоя Закорюкина („Мужская и дамская обувь, заказы и починка") сегодня балъ...

Особнякъ его залитъ огнями, изъ оконъ на улицу доносятся звуки струннаго оркестра, а мордастый швейцаръ вальяжно прохаживается у подъѣзда, щеголяя красной съ желтымъ ливреей (родовые цвѣта Сысоя Закорюкина) и помахивая на потѣху собравшимся мальчишкамъ увѣсистой булавой.

Наверху же, у входа въ залъ, какъ это и полагается - хозяинъ и хозяйка дома Сысой и Анисья - встрѣчаютъ именитыхъ гостей.

Увидѣвъ приближающагося гостя, Сысой привычнымъ элегантнымъ жестомъ вытираетъ руку о шевіотовые штаны и подаетъ ребромъ, лихо рубанувъ ею воздухъ.

— Проходите, проходите, — привѣтливо говоритъ онъ. — Нечего тутъ топтаться.

Анисья стираетъ концомъ шейнаго платка потъ съ пылающаго лба и сіяюще подмигиваетъ гостямъ:

— Мой то, а? Каки кренделя выкомариваетъ! А?

Гости все прибываютъ и прибвыаютъ — одинъ гость именитѣе другого: портной Птахинъ, слесарь Огуречный, владѣлецъ лимонадной будки Гундосовъ, яичная торговка Голендуха Паскудина — не та, что умерла Макридой милліонершей, а ея сестра, Голендуха, еще одинъ портной - Обкарналовъ - все самая изысканная финансовая аристократія

Среди гостей носятся даже слухи, что обѣщалъ прибыть портовый грузчикъ Вавило

Рыкловъ — аристократъ изъ аристократовъ, денди изъ дендевъ.

Его исторіографы и мемуаристы утверждали даже, что онъ въ „двадцать одно" не моргнувъ глазомъ, ставитъ на карту по полтораста, двѣсти тысячъ и выпиваетъ въ день по 3 бутылки мартелевскаго коньяку.

Наконецъ, всѣ гости съѣхались.

Оркестръ грянулъ „Алеша ша" и пары закружились.

Хозяйка дома сидѣла у стѣны съ солиднымъ владѣльцемъ лимонадной будки и вела солидный, но увлекательный разговоръ.

—Набавилъ я на стаканъ воды двѣсти — и что же вы думаете? — пьютъ, черти. Никто даже слова не скажетъ. Сосетъ, анафема, по два, по три стакана. Прямо ты его хоть съ кашей ѣшь!

Въ голосѣ Гундосова слышалось почтительное удивленіе.

— Народъ, дистви́тельно — покачла солидно головой хозяйка. — Прямо будемъ говорить озвѣрѣлъ! Приходитъ заказчикъ: „Сколько за сапоги?" — „Четыреста тысячъ!"

—„За пару?“ Мой то, прищурился, да какъ ляпнетъ: — Гдѣ тамъ за пару! За штуку. Пара — восемьсотъ.“ И вѣдь заказываютъ!

— Дѣла! Музыку откуда достали?

— Одинъ тутъ профессоръ консерваторіи обтяпалъ! Головастый, а иногда по роялю жарнетъ такъ, что чертямъ тошно.

— Извѣстно, съ голоду чего не сдѣлаешь. У меня вотъ тоже бывшій атташе посольства заказы принимаетъ — прямо на улицѣ подобралъ я его — такъ вѣдь до чего лихъ съ заказчикомъ говорить - прямо уму непости. жимо! Такого ему Оскара Уайльда вотретъ...

— Стаканчикъ мороженнаго!

— И очень даже. Здорово зак ручено Сами крутили?

— Зачѣмъ сами. У насъ тутъ бывшій профессоръ химіи принанятъ для энтого дѣла. Рикиминдовали, что будто по какому то анабіозу собаку съѣлъ. Вотъ мы его для мороженнаго и приспособили. Нехай себѣ крутитъ. Вообще, знаете, теперь вся энтилигенція на службѣ у капитала. Хотѣли мы даже концертикъ нынче соорудить, Собинова съ Аверченкой договаривали, да ломучіе они какіе то,

Богъ съ ними. Пойдите вы, говорятъ, къ этому самому... и слово то забыла, нехорошее слово. Одначе, танцами дирижируетъ у насъ балетмейстеръ кіевскаго опернаго театра, а столъ украшалъ художничекъ тутъ одинъ — онъ еще въ 16 году отъ Академіи поѣздку въ Италію получилъ. Извѣстно жрать всякому хотца...

* * *

Подъ утро балъ у Сосоя Закорюкина («Мужская и дамская обувь, заказы и починка») — кончился.

Усталая, но довольная разъѣзжалась по домамъ новая аристократія.

И у подъѣзда долго еще можно было слышать зычные выкрики швейцара — бывшаго опернаго баса, творца партіи Мефистофеля въ «Фаустѣ»:

— Кучеръ, баронъ Менгденъ! Давай карету Гундосина.

— Шоферъ Голендухи Паскудиной, князь Бѣлопольскій! заводи моторъ!

— Куда запропастился, чортъ его дери, графъ Гронскій?!

И изъ предъутренней мглы слышался сонный голосъ:

— Графъ Гронскій поѣхалъ въ чайную, а потомъ лошадей поить!..

* *
*

Раньше на старомъ добромъ стягѣ было написано:

— Симъ побѣдиши!

Теперь, вмѣсто Сима, пришла пора другого Ноева сына...

На русскомъ стягѣ красуется по новому правописанію:

— Хам победиши"!

———

6. БЕЗКВАРТИРЬЕ

1. Ищутъ комнату.
2. Сентиментальный романъ.

Ищутъ Комнату.

По всему угрюмому зимнему побережью звенитъ одинъ и тотъ же надрывный крикъ:

— Дайте комнату!

Но нѣтъ комнаты...

„И висѣла ночь безъ исхода“...

На послѣдней страницѣ газеты въ правой ея сторонѣ толпой собираются блѣдные призраки безысходно ищущихъ, и еле-еле слышишь въ сутолокѣ жизни ихъ безкрасочный шелестъ:

— „Дайте же комнату“...

Впрочемъ, не всѣ публикаціи вялы и безкрасочны... Въ послѣднее время жизнь научила ищущихъ придавать своимъ стонамъ яркую, пышную, красочную оболочку:

— «*3000 руб.* тому, кто укажетъ комнату, безразлично гдѣ».

— «Дайте комнату! Буду отапливать своими дровами всю квартиру».

— «За комнату буду готовить и себѣ и хозяевамъ обѣдъ изъ своего провіанта, а также научу любой музыкѣ».

Есть и сложныя объявленія:

— Ищу комнату. Если съ отдѣльнымъ ходомъ — отдамъ хозяйкѣ свои новые лаковые открытые туфли и японскія ширмы. Если же отдѣльный ходъ и центръ города — прибавлю еще перламутровый бинокль и право брать продукты въ кооперативѣ „Одно удовольствіе“. Тутъ же продается бѣличья шубка, крытая рипсомъ“.

А вотъ расчетъ на психологію:

«Указавшему комнату уплачу *1000 руб. франками*».

Человѣкъ, такъ сказать:

— «Беретъ на валюту».

А вотъ публикація прямо умилительная своей наивностью, безпочвенностью и полной безцѣльностью:

— «Ищу комнату для одинокой. Съ Предложеніями (?!) обращаться на имя М. С.».

Развѣ во время тропической бури можно услышать жужжаніе комара?

Такихъ же результатовъ достигъ бы лондонскій Дрюли-Ленскій театръ, если бы анонсъ о своемъ спектаклѣ вывѣсилъ на верхушкѣ пальмы въ центрѣ африканской пустыни Калахари.

Бѣдная наивная «одинокая».

Тогда ужъ понятнѣе эти двѣ строки:

Если вы порядочные люди, дайте комнату одинокому»!

Тутъ хоть вопль слышится, какой-то шумъ производитъ человѣкъ: авось кто нибудь и преклонитъ свое ухо.

* * *

Одинъ мой пріятель, человѣкъ очень серьезный, не мальчишка, не вертопрахъ — вертѣлся, вертѣлся безъ квартиры. мучился, мучился, изучалъ, изучалъ былъ и психологію газетныхъ публикацій о комнатахъ, да вдумавшись хорошенько во все это дѣло — и бухнулъ въ газетѣ объявленіе:

„*Согласенъ жениться на хозяйской дочери* за комнату. Возрастъ безразличенъ, цѣна без-

различна, все безразлично, кромѣ комнаты! Адресуйте предложенія руки и сердца и комнаты — туда-то“!

Большого ума человѣкъ былъ мой пріятель: въ тотъ же день къ нему явился пожилой господинъ.

— Я по поводу своей дочери.

— И комнаты, конечно? — осторожно добавилъ мой пріятель.

— Ну само собой разумѣется. Одно безъ другого не будетъ.

— А-а. Очень пріятно. Хорошенькая?

— Ничего себѣ, росту небольшого, но зубки...

— Къ чорту зубки! я о комнатѣ спрашиваю: комната хорошенькая?

— Ничего себѣ. А дочь, можете представить, такая способная: кончила за четыре класса...

— Свѣтлая?...

— М...мъ... Какъ вамъ сказать? скорѣе каштановая.

— Обои, что ли?

— Нѣтъ одна. У меня единственная.

— Обои, вы говорите, каштановые, или что?!

— Волосы.

— Чьи?!

— Дочкины.

— А чтобъ васъ! Я васъ о серьезномъ спрашиваю, а вы мнѣ о пустякахъ.

— Ахъ, вы о комнатѣ? Да ничего... свѣтловатая. Она у меня все перебирала женихами, перебирала, не хотѣла выходить, вотъ и доперебиралась! Досидѣлась до того, что рада и въ темную...

— Какъ въ темную? Чего въ темную! Вы же говорите: свѣтловатая.

— Я говорю о замужествѣ. Засиживаться долго нельзя.

— Что? Ну до часу-то можно. Пока горитъ электричество?

— Причемъ тутъ электричество?

— Если гости придутъ.

— Моя дочь не такая.

Мой пріятель задумчиво пожевалъ губами и спросилъ:

— Теплая?

— То-есть, температура? Нормальная, что вы! 36,5.

— Ахъ ты, Господи! Да на дочкѣ вашей я, все равно, женюсь; чего вы мнѣ ее расхваливаете. Вы лучше о комнатѣ разскажите.

— Виноватъ, я все таки хотѣлъ бы, чтобъ все вышло въ родѣ какъ по любви.. Все таки, я отецъ.

— А я квартирантъ. Это почище будетъ! Кстати, самоваръ будете давать?

— Полный гарнитуръ! Рубашекъ кружевныхъ 6, панталонъ...

— Бросьте, папаша! Пойдемъ лучше, посмотримъ...

— Она еще не одѣта.

— Комнату, папаша, комнату!

* * *

Комната оказалась премиленькой, чего енльзя было сказать о невѣстѣ, но пріятель мой чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ:

— Вѣдь я три мѣсяца спалъ на трехъ мыльныхъ ящикахъ, да недѣлю подъ прилавкомъ обувнаго магазина! Наконецъ, на шелъ тихую пристань!

Но... Когда молодые вернулись изъ церкви и усѣлись за брачный столъ вкупѣ съ полдюжиной родственниковъ — молодая жена нѣжно поцѣловала мужа гдѣ то между ухомъ и затылкомъ и сказала:

— Ну, Гришенька, справимъ мы медовый мѣсяцъ — намъ на это и недѣльки довольно — да и отправимся на поиски...

— Чего?

— Квартиры. Не можемъ же мы вдвоемъ, да еще съ прислугой жить въ одной комнатѣ!..

* * *

Прокуроръ плакалъ невзрыдъ и заявилъ, что онъ не обвинять, а защищатъ будетъ убійцу.

Присяжные собрали въ его пользу тысячу рублей, а окружный судъ вынесъ приговоръ:

— „Признать убійство совершеннымъ въ цѣляхъ самозащиты и умоизступленія. Подсудимаго оправдать".

— А съ тюрьмой какъ же? — огорченно спросилъ оправданный Гриша.

— Вы свободны. Больше въ тюрьму не вернетесь.

— Жаль. Можетъ бы въ сумадшедшій домъ посадили?

— Нельзя. Вы нормальны.

— Ну, въ контръ-развѣдку.

— Вы свободны!!!

— Значитъ, опять на мыльные ящики? Ну, и судъ у насъ въ Россіи!

———

Сентиментальный романъ.

———

Одинъ Молодой Человѣкъ влюбился въ одну дѣвушку. Онъ встрѣтился съ нею у однихъ знакомыхъ, познакомился и — влюбился.

Дѣло извѣстное.

А дѣвушка тоже въ него влюбилась.

Такія совпаденія иногда случаются.

Они пошли въ кинематографъ, потомъ въ оперу. И влюблялись другъ въ друга все больше и больше по мѣрѣ посѣщенія кинематографа, оперы, цирка и театра миніатюръ.

Молодому Человѣку пришла въ голову оригинальная мысль: объясниться съ дѣвушкой и предложить ей руку и сердце.

Этотъ Молодой Человѣкъ былъ проворный малый и зналъ, что первое дѣло при

предложеніи руки и сердца — стать на колѣни. Тогда ужъ никакая дѣвушка не отвертится.

Но гдѣ продѣлать этотъ гимнастическій актъ?

Въ оперѣ? Въ циркѣ? Въ театрѣ миніатюръ свѣтло и людно. Всюду такіе сборы, что яблоку упасть некуда, не то, что Молодому Человѣку — на колѣни.

Въ кинематографѣ? Тамъ, наоборотъ, темно, но и это плохо. Дѣвушка можетъ подумать, что онъ уронилъ шапку и ползаетъ въ темнотѣ на колѣняхъ, отыскивая ее. Въ такихъ дѣлахъ минутное недоразумѣніе — и все погибло.

Мелькала у Молодого Человѣка мысль пригласить дѣвушку къ себѣ, но она была застѣнчива, и никогда бы не пошла на эту авантюру.

И вдругъ Молодого Человѣка осѣнило:

— Пойду къ ней!

— Можно васъ навѣстить, Марья Петровна? — однажды освѣдомился онъ сладкимъ голосомъ.

— Мм... пожалуйста. Но у меня тѣсно.

Молодой Человѣкъ парировалъ это соображеніе оригинальной мыслью.

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

— Ну, что жъ... приходите.

— Ей Богу, приду! Посидимъ, помечтаемъ. Вы мнѣ поиграете.

— На чемъ?!

— Развѣ у васъ нѣтъ инструмента?

— Есть. Для открыванія сардинокъ.

— Да, — печально согласился Молодой Человѣкъ. На этомъ не сыграешь. Ну, все равно приду.

* * *

Молодой Человѣкъ надавилъ пальцемъ пустой кружочекъ, оставшійся отъ бывшаго звонка, стукнулъ ногой въ дверь и кашлянулъ — однимъ словомъ, продѣлалъ все, что дѣлаютъ люди въ нашъ вѣкъ пара и электричества — чтобы имъ открыли дверь.

— Что вамъ угодно? — спросилъ его сонннымъ голосомъ неизвѣстный господинъ.

— Дома Марья Петровна?

— Которая? Ихъ въ квартирѣ четыре штуки.

— Въ комнатѣ номеръ три.

— Въ комнатѣ номеръ три ихъ двѣ.

— Мнѣ ту, что рыженькая. Въ сѣромъ пальто ходитъ.

— Дома. А вы чего ходите въ такое время, когда люди спятъ?

— Помилуйте, — изумился Молодой Человѣкъ. — Всего 7 часовъ вечера.

— Ничего не доказываетъ. У насъ три очереди на сонъ. Всегда кто нибудь да спитъ. Идите ужъ.

Столь привѣтливо приглашенный Молодой Человѣкъ вошелъ въ указанную комнату — и остолбенѣлъ: глазамъ его представилось очень большое общество изъ мужчинъ и дамъ, а въ углу, на чемоданчикѣ — мечта его юныхъ дней.

— Что это? — робко спросилъ онъ, переступая черезъ человѣка, лежащаго посерединѣ пола на шубѣ и укрытаго шубою же. — У васъ суаре? Вы можетъ быть именинница? Недобрая! Неужели скрыли?

— Какое тамъ суаре? Это жильцы.

— А гдѣ же ваша комната?

— Вотъ она.

— А они чего тутъ?

— Они тутъ живутъ.

— Въ вашей комнатѣ?

— Трудно и разобрать — кто въ чьей: они ли въ моей, я ли — въ ихъ. Садитесь на полъ.

Молодой Человѣкъ опустился на полъ и ревниво спросилъ:

— Гдѣ же вы спите?

— На этихъ чемоданахъ.

Но... тутъ же мужчины?!

— Они отворачиваются.

— Марья Петровна! Я хотѣлъ съ вами серьезно поговорить...

— Что слышно на фронтѣ, Молодой Человѣкъ? — спросилъ господинъ, выглядывая изъ подъ шубы.

— Не знаю. Я вотъ хотѣлъ поговорить съ Маріей Петровной по одному интересному вопросу

— Послушаемъ! — откликнулся старикъ,

набивавшій папиросы. — Люблю интересные вопросы.

— Но это... дѣло интимное! — въ отчаяніи воскликнулъ Молодой Человѣкъ (не могу же я передъ такимъ обществомъ бухнуть передъ ней на колѣни!»).

— Что-жъ, что интимное. Мы тутъ всѣ свои, Только... виноватъ! Вы своей лѣвой ногой залѣзли въ мою площадь пола. Если бы вы у меня были въ гостяхъ — другое дѣло.

— Послушайте... Марья Петровна, — шепнулъ ей на ухо Молодой Человѣкъ подбирая ноги. — Я долженъ вамъ...

— Въ обществѣ шептаться неприлично, — угрюмо сказала старая дѣва, поджимая губы.

Изъ угла какой то острякъ сказалъ:

— Отчего говорятъ: „не при лично“? Будто переть нужно поручать своему знакомому.

— Марья Петровна! воскликнулъ Молодой Человѣкъ, горя, какъ факелъ, въ неутолимой любовной лихорадкѣ...

— Марья Петровна! Хотя я самъ происхожу изъ небогатой семьи...

— А ваша семья имѣетъ отдѣльную комнату? — съ любопытствомъ спросилъ старикъ.

Молодой человѣкъ вскочилъ на ноги... Пробѣжалъ по комнатѣ, лавируя между всѣми жильцами, перескочилъ черезъ лежащаго на полу и, придавъ себѣ такимъ образомъ, разгонъ — бухнулся на колѣни:

— Марья Петровна, — скороговоркой сказалъ онъ: — Я васъ люблю надѣюсь что и вы тоже прошу вашей руки не отказывайте молю осчастливьте а то я покончу съ собой!

Старикъ и господинъ подъ шубой завопили:

— Несогласны, несогласны! Знаемъ мы эти штуки!!

— Позвольте!.. — съ достоинствомъ сказалъ Молодой Человѣкъ, поднимаясь съ колѣнъ. — Что значитъ «эти штуки»?

— Насквозь вижу васъ! Просто вы хотите этимъ способомъ втиснуться въ комна-

ту седьмымъ! Дудки-съ! Нѣтъ моего согласія на этотъ бракъ!

— Господа! — моляще сказала Марья Петровна, соскальзывая съ чемодана и простирая руки къ жильцамъ. — Мы тутъ въ уголку будемъ жить потихонечку... Я его за этимъ чемоданомъ положу — его никто и не увидитъ. О, добрые люди! Дайте согласіе на этотъ бракъ!

— Къ чорту! — ревѣлъ жилецъ изъ подъ шубы. — Онъ уже и сейчасъ въѣхалъ ногами въ плацдармъ Степана Ивановича! А тогда, за чемоданомъ, онъ будетъ въѣзжать головой въ мое расположеніе. Нѣтъ нашего благословенія!

— Однако, — возразилъ удивленный Молодой Человѣкъ. — Съ чего вы взяли, что я буду жить здѣсь? У меня есть своя комната, и я заберу отъ васъ даже Марью Петровну.

Дикій вопль радости исторгся изъ всѣхъ грудей.

— Милый, чудный молодой человѣкъ! Желаемъ вамъ счастья! Господа, благосло-

вимъ же ихъ скорѣе, пока они не раздумали! Дайте, я васъ поцѣлую, шельмецъ! Ахъ, какая чудная пара! Знаете, вы бы сегодня и свадьбу справили, а? Чего тамъ!

Энтузіазмъ былъ неописуемый: старикъ совалъ въ ротъ Молодому Человѣку только что набитую папиросу. Старая дѣва порывисто дергала его за руку съ явнымъ намѣреніемъ изобразить этимъ поступкомъ рукопожатіе, человѣкъ на полу подъ шубой — ласково трепалъ Молодого Человѣка по лодыжкѣ, а въ углу у чемодановъ невѣсты двое жильцовъ, рыча и фыркая, какъ разсерженныя пантеры, планировали по новому свои угодья, примыкавшія къ участку Марьи Петровны.

А когда счастливый, пьяный отъ радости Молодой Человѣкъ спускался съ лѣстницы — его догналъ старикъ, набивщикъ папиросъ.

— Слушайте, — задыхаясь, шепнулъ онъ — Обратили вниманіе на другую дѣвушку? Она хоть и не молодая, но замѣчательная — ручаюсь вамъ. Человѣкъ изумительнаго серд-

ца! Нѣтъ ли у васъ для нея какого нибудь подходящаго пріятеля?.. Она сдѣлаетъ счастье любому человѣку, да и мы бы заодно избавились отъ этой старой вѣдьмы, прахъ ее побери!

БИБЛІОТЕКА
[illegible]СТВЕННОЙ
АКАДЕМІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . 3

ОСКУДЕНІЕ и УПАДОКЪ

1. Старый Саксъ и Вертгеймъ . 9
2. Балъ у графини . . 17
3. Страна безъ мошениковъ . 21
4. Русская сказка . . 27

ОБНИЩАНІЕ КУЛЬТУРЫ

1. Володька . . . 35
2. Эволюція книги . . 42
3. Козьма Медичисъ . . 48
4. Разговоры въ гостинной . 54

ЕМЕННАЯ ГИПЕРТРОФІЯ

хъ семьи Дромадеровыхъ 65
иски Дикаря . . . 72
енящая душу исторія . 79

ЯЦІЯ

цы . . . 91
говый Домъ „Петя Козырьковъ“ 98
гнившіе насквозь . 108

РАТІЯ

ма на морѣ . . 117
2. Дневникъ одного портного 125
3. Аристократъ Сысой Закорюкинъ 132

ЗКВАРТИРЬЕ

1. Ищутъ комнату . . 141
2. Сентиментальный романъ . 149

Т-во „КУЛЬТУРА“

451. Гранд'рю де ПЕРА 451.

—ИЗДАТЕЛЬСТВО—КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ—
—ГАЗЕТН. ЭКСПЕДИЦІЯ—БИБЛІОТЕКА—

Всѣ новинки Книжнаго Рынка

◆◆◆◆

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

А. Аверченко:—„Нечистая Сила“,—„Записки простодушнаго“, — „Дѣти“, — „Кипящій Котелъ“.

Имѣются на складѣ:

Слащевъ: — „Требую Суда Общества и Гласности“. —Раковскій: „Въ Станѣ Бѣлыхъ“ Б. Лазаревскій: „Мое Сердце“,—„Вдова Капитана и др.

Иногородніе заказы выполняются быстро и аккуратно.

типографія „За Рубежомъ“ Стамбулъ, Высокая Порта.